

Из записок врача

Сборник рассказов

Татьяна Падерина

Татьяна Падерина
Сборник рассказов
«Из записок врача»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67037220

SelfPub; 2022

Аннотация

Татьяна Падерина – фельдшер скорой помощи с многолетним стажем. В своем сборнике рассказов «Из записок врача» автор описывает события своей нелегкой профессии, воспоминания о детстве, интересные события жизни простых людей. После прочтения этой книги Вы не останетесь равнодушными, и задумается о многом.

Содержание

И снова в бой	7
Саня Коляскин и другие	14
Хочу на Бали	20
Смешная девчонка	28
Так не бывает	38
Старые фотографии, или куда уходит детство	101
Пролог	102
Глава первая	103
Глава вторая	110
Глава третья	115
Глава четвертая	118
Глава пятая	121
Глава шестая	125
Глава седьмая	127
Эпилог	130

Татьяна Падерина

Сборник рассказов

"Из записок врача"

Если вы можете разобрать почерк врача, вы либо старший врач, либо это записи не врача...

Компьютеризация всей страны частично спасает врачей стационаров от записей вручную, и эпикризы они строчат на компьютере. А вот нам на «Скорой» приходится писать от руки, причём чаще на коленях, в движущемся автомобиле.

Подскочив на очередной кочке на дороге, твоя рука взматается вверх, а вот в какое место в карте вызова она опустится, неизвестно. Об этом мы узнаём после того, как наши «сочинения» проверит старший врач. Как правило, утром, после смены мы дружно делаем работу над ошибками. Я очень стараюсь писать разборчиво, почти печатными буквами, но к вечеру мой почерк больше становится похож на крупноволновую фибрилляцию желудочков, к ночи плавно переходит в мелковолновую, а к утру в асистолию. На замечания нашего любимого, многоуважаемого В.А. мы реагируем по-разному: от бурного голосового возмущения до записки «см. внимательно». Несчастный В.А. от нашей наглости начинает закипать. От природы интеллигент до мозга костей, В.А.

на каждой утренней конференции, краснея и обливаясь потом, просит «народ» не соревноваться с ним в эпистолярном жанре и не общаться с ним записками, как «Дубровский и Маша, через дупло».

Иногда наши карты берёт под контроль заведующий подстанцией. Сам в недавнем прошлом старший врач, он легко справляется с нашими шедеврами и свои замечания уместает на крохотном листочке почерком, больше похожим на трепетание предсердий.

Как-то «жребий пал» на мои карты, и я была вынуждена зайти в кабинет заведующего и выяснить, что же в них не так и что нужно исправить. После короткой беседы с начальством я поняла, что мне вынесен Verdictum и мне пора покупать прописи и заново учиться писать на кириллице. Первая половина моего здравого смысла стала кричать: «Нужно срочно переходить на планшеты и отходить от «ручного труда». Другая возразила: «Я, конечно же, как каждый современный человек, умею печатать... Правда, одним пальцем». Кругом засада. На помощь пришли внуки, они подарили мне диск BabyType – игровой клавиатурный тренажер. До чего дошёл прогресс...

Недолго я мучилась, пытаюсь овладеть слепым десятипальцевым методом печати для начинающих. Как-то незаметно для себя я стала шустро стучать по клавишам, правда, двумя пальцами. Но сей печальный факт меня не беспокоит.

Мой любимый Григорий Горин писал: «Оканчивая шко-

лу, я уже твёрдо решил, что стану писателем. Поэтому поступил в медицинский институт...»

И снова в бой

Алексей бодрым шагом направился к машине скорой, чтобы самому проверить работу всей аппаратуры на бригаде и убедиться, что всё готово к работе. Эту давнюю привычку ему привил его старший коллега Павел Павлович Шаповалов, в узких кругах просто ППШ.

– Вы проверили, сколько в баллонах кислорода, исправна ли аппаратура и вообще всё ли в порядке на бригаде? – задал вопрос Павлу Павловичу Алексей, тогда ещё начинающий врач.

– Доктор, – улыбаясь, обратился ППШ к Алексею, – а вам известна народная мудрость: «Хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам». Вначале Алексея покорило заявление ППШ. Правда, потом убедился, насколько прав оказался богатый жизненным опытом человек.

Подойдя ближе к новенькому форду, Алексей услышал недовольный голос своего напарника. Сегодня он работает с ППШ. Алексей любил с ним работать, ППШ профи, надёга, кроме того, обладал приятным характером. Если ППШ шутил, то всегда тонко, прилично и остроумно, а если серчал, то ненадолго, быстро забывая причину своего недовольства. С ППШ не соскучишься. Он прекрасный рассказчик. Его байки про скорую и «старые и добрые времена» знает и любит вся подстанция. Алексей восхищался его изобретательным

умом и обширной памятью. ППШ большой оптимист. Всю жизнь хотел стать врачом. После школы, имея высокий аттестатский балл, грамоты по химии и биологии, подал документы во второй мед. Сдал все экзамены, но не прошёл по конкурсу, недобрал полбалла. Расстроился, но не сдался. Без экзаменов поступил в медучилище и окончил его с красным дипломом. В весенний призыв загредел в армию. Но ничего. Долг Отечеству отдал и опять подал документы в институт. На первом же экзамене по физике осознал, что за два года многое забыл, забрал документы и устроился на скорую. За первый год работы ППШ успел жениться, родить сына, поступить на рабфак, потому как не оставил мечту стать врачом. На следующий год опять недобрал полбалла. Каждый год ППШ сдавал экзамены, и каждый раз с одним и тем же результатом. Жена, родные и друзья убеждали его, что экзамен – это большая лотерея. С негодованием в адрес приёмной комиссии они искренне сочувствовали ППШ, и считали вселенской несправедливостью такое тотальное невезение на экзаменах. На их взгляд, уже то, что он неизменно в течение многих лет поступал в один и тот же институт, даёт право на зачисление. Но увы.

Всем известно, сколько случайных людей в медицине, сколько «недорослей» с дипломами врача. Но мало кому известно, сколько фельдшеров на скорой с дипломами педагогов, психологов, экономистов, юристов. К примеру, ППШ поступил и успешно окончил институт биотехнологий и рыб-

ного хозяйства. Перед ним открывались новые горизонты. Но и тогда ППШ не изменил медицине даже в мыслях. Спрашивается, зачем учился? Да для общего развития. Вот так-то.

– Что за настроение, Палыч? Почему ворчите с утра? – удивился Алексей. – Где ваш природный оптимизм?

– Говорила мне мама: «Учись хорошо, сынок. Получи образование, и тогда не придётся тебе, как мне, необразованной, всю жизнь возить грязной тряпкой по полу...», – не обращая внимания на Алексея и завершив уборку в машине, продолжал ворчать ППШ. – «Иди, сынок, в медицину. Профессия благородная, уважаемая, чистая», – не поднимая глаз, он отжал тряпку, аккуратно расстелил её у входа в салон автомобиля. – Эх, мамочка, знала бы ты, что кал и моча – пища врача. И не в беленьком халатике теперь я рассекаю, а в синей робе, как сантехник.

– Уважаемые товарищи потомки!

Роясь в сегодняшнем

Окаменевшем ГОВНЕ

Наших дней, изучая потёмки,

Вы, возможно, спросите и обо мне...

Я, ассенизатор и водовоз,

революцией мобилизованный и призванный... – Алексей, процитировав великого поэта, подошёл ближе к ППШ. Они поздоровались и обменялись рукопожатием. – Ну, что с тобой сегодня? – Алексей иногда позволял обратиться к ППШ

на «ТЫ».

– Доктор, принимай аппарат, – забалагурил ППШ, – всё норм, – перешёл он на молодёжный сленг, улыбнулся, а у самого грусть в глазах.

– Палыч, когда и где днюху твою будем отмечать? Сегодня в торжественной обстановке начальство тебя поздравит, «благодарность» вручит, а народ требует продолжения. Все расходы берём на себя. Ты только определись с датой и местом.

– Эх! Старею, наверное. Помнится, как все события отмечались на родной подстанции, в родных стенах...

Объявили «пятиминутку». Слово взял заведующий. На этой должности и вообще в этом коллективе он второй год. Встать во главе старейшей в Москве подстанции было для него ответственно и почётно одновременно. Немного волнуясь, он начал:

– Уважаемые коллеги! Я начну нашу утреннюю конференцию с приятной новости. Сегодня у нашего ППШ, простите, у нашего Павла Павловича Шаповалова день рождения.

Раздался шквал аплодисментов.

– Я от лица и по поручению руководства станции и нашего коллектива поздравляю нашего юбиляра... – заведующий произнёс пламенную речь, где возносил ППШ до небес, и в торжественной обстановке вручил «благодарность» и приказ о выплате премии в размере должностного оклада. – Вот теперь УРА, товарищи!!! – и вместе со всеми поддался обще-

му ликованию.

ППШ благодарил всех, кланяясь в пояс, принимал поздравления и подарки. С его уст не сходила счастливая улыбка. А когда увидел, что написано в приказе, оцепенел от изумления.

– Лёха, у меня, кажется, крыша поехала.

Алексей взял в руки приказ. В нём чёрным по белому было написано:

ПРИКАЗ

Об объявлении благодарности

В связи с юбилеем

За добросовестную работу в городском здравоохранении, а также на основании рапорта заведующего подстанции имени Л.Н. Аршинова (фамилия заведующего)

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Шаповалову Павлу Павловичу – ВРАЧУ подстанции имени Л.Н. Аршинова – объявить благодарность и выплатить премию в размере должностного оклада.

2. Главному бухгалтеру произвести выплату премии.

3. Заместителю главного врача по кадрам внести соответствующую запись в трудовую книжку.

Главный врач (подпись) печать

– Ну что, мой старший брат, мечты сбываются? – от всей души радовался Алексей.

– Врачу? Так и написано? Врачу? Значит, я не сошёл с ума? Так и написано? – не мог поверить ППШ.

– Да разве это важно, что там написано. Важно то, что ты СКОРОПОМОЩНИК от Бога.

– А теперь возвращаемся к нашим будням, – голос заведующего возвратил всех на грешную землю. – Как ни печально мне это всё озвучивать, но мы плетёмся в хвосте планеты всей по доездам на вызовы. Как так получается? Вот вы, Павел Павлович, вместо семи минут расчетного времени, прибыли на вызов только через десять. Нехорошо.

– Пробки, светофоры, – вступился за ППШ Алексей. – И всё это было доложено диспетчеру. Мы же не можем взлететь над пробкой и нарушать правила дорожного движения.

– Надо постараться... – вздохнул руководитель.

– Взлететь или нарушить? – пробежал возмущённый шепоток среди подчинённых.

– Я, как дипломированный специалист по обеспечению безопасности человека в современном мире, со всей ответственностью заявляю, – ППШ встал, – что помимо угрозы экологической катастрофы, современному миру угрожает информационная война. Глобальные информационные сети загоняют в виртуальную реальность огромные массы людей и управляют ими...

– Вот именно. Мы же не «электроники». Мы ещё не умеем телепортироваться и прибывать на вызов через две-три минуты, как того от нас требуют, – согласился с ППШ народ.

– Дело ясное, что дело тёмное. Коллеги, идите вы все... работать, – заведующий пристально посмотрел на ППШ. – А

вас попрошу остаться, – и рукой указал на свой кабинет. – Ну что? Бунт на корабле? – не без раздражения в голосе произнёс заведующий.

– Что вы, – устало произнёс юбиляр. – Какой же это бунт? Это стон людей, загнанных в рамки стандартов. За державу обидно. Повсюду потёмкинские деревни.

Из динамика прозвучал тревожный голос диспетчера: «491-я бригада, срочный вызов! Авто!»

– И снова в бой? – спешно направляясь к выходу, хитро улыбнулся юбиляр.

– Покой нам только снится...

– Прорвёмся! Мы же АРШИНОВЦЫ! – на бегу прокричал ППШ.

Машина с рёвом выскочила из ворот подстанции. Злостно нарушая все правила дорожного движения, с трудом продвигаясь сквозь плотный автомобильный поток, невзирая на опасность для собственного здоровья и жизни, бригада скорой помощи спешила на помощь людям, попавшим в беду.

Саня Коляскин и другие

Пётр Иванович Ключев вышел из троллейбуса и напрямиком направился к воротам подстанции скорой помощи. Выпавший ночью снег скрипел под ногами, морозный воздух бодрил и приятно щекотал в носу, а лёгкий парок изо рта напомнил старому курильщику о сигарете. Пётр Иванович полез в нагрудный карман своей куртки, но вместо сигареты достал мятную конфету. Вот уже целый месяц он борется с вредной привычкой, но не знает, надолго ли его хватит. Проходя мимо поста охраны, кивком головы поздоровался с «недремлющим оком», бдительной охранницей Ольгой. А когда увидел, что все припаркованные «мерсы» покрыты небольшим слоем снега, порадовался: «Похоже, ребятам чуточку удалось вздремнуть».

В раздевалке он столкнулся с Саней Коляскиным, тот находился в «режиме ожидания» следующего вызова. Молодой, здоровый, сильный, он легко переносил ночные смены, мог и вовсе не отдыхать, а утром с восторгом рассказывал о забавных случаях на вызовах. «Ну прям как я в молодости», – частенько думал про него Ключев.

Пётр Иванович поздоровался с Саней:

– Здорово, Санёк. Как отработал?

– Привет! Ещё не отработал. Слушай, Иваныч! Столько сегодня прикольных вызовов было.

– Ты с кем трудишься?

– Я теперь с Любаней Смирновой постоянно работаю!

– Хорошо. А то приходят разные сопливые девчонки, адресов не знают, ящик им носи, носилки таскай...

– А я всегда помогаю женщинам, мне не в лом, – пожал плечами Саня.

– А я что, не помогал?! – возмутился Пётр Иванович. – Я тридцать лет с Варенькой отработал. Чего только не было...

– Да не расстраивайся ты так. Варваре Афанасьевне, наверное, стало тяжело работать на линии, вот она и ушла на филиал, – Саня понял причину раздражения Петра Ивановича и, чтобы разрядить обстановку, сменил тему разговора.

– Нет! Мне наших девчонок жалко. Вот приходит моя Любушка на работу красавица-раскрасавица, а уходит суслик! Просто суслик! Да и ещё больной!

– Балабол ты, Санёк! Из интернета цитатку свистнул? – хмыкнул Пётр Иванович.

– И как они, бедные, выдерживают на такой работе? – будто не заметив, что его уличили в плагиате, Саня продолжал развивать тему. – Вот нас сегодня имели в особо жестокой и циничной форме. И кто бы ты думал?

– Знамо дело, наши бабульки-красотульки отрывались. Тоже мне новость. Вчера была магнитная буря, да и об эпидемии гриппа объявили.

– И не только наши. Дают нам вызов за чужой район. Повод: плохо с сердцем, был инфаркт, женщине 90 лет. Подъ-

езжаем, входим в лифт, а там полный анамнез на нашу большую: ВЕДЬМА, ВАМПИРША, ЗМЕИЩА, ВУРДАЛАЖИНА. И всё в бесконечной степени. Я говорю Любане, что нехорошо так-то уж о старом и больном человеке, а та молчит. Звоним. И дверь нам открывает старуха, вся в чёрном, седые волосы до пояса, скалится во весь свой беззубый рот и костлявой рукой приглашает нас войти в квартиру.

– Наденьте бахилы! – приказала нам ВЕДЬМА, как только мы переступили порог её логова.

Мы надели бахилы.

– Что стоите, как истуканы! Проходите в комнату, ставьте свой грязный ящик на стол, где газета лежит! И начинайте уже спасать меня! А то сейчас начнутся расспросы: где паспорт, где полис, где выписки и кардиограммы, что принимала до вас?!

Я растерялся. В подобной ситуации я ещё ни разу не был. А моя Любаня как можно мягче просит позволения у Вампирши присесть за стол, чтобы оформить карту вызова.

– А может вам ещё кофе предложить? – зашипела ЗМЕИЩА.

Мы мужественно выдержали атаку нечистой силы, стояли молча, пока ВУРДАЛАЖИНА не взяла себя в руки.

– Садись за стол, – сменив гнев на милость, обратилась старуха к Любаньке. – Заполняй документы как положено. Все мои лежат в правом верхнем углу на этом же столе. А ты, – теперь она обратилась ко мне, – сними мне кардиограм-

му. Что-то мне сегодня... – бабка смертельно побледнела, но не издала ни звука. Потом глубоко вздохнула и посмотрела на меня.

– Что? Страшная я? Не бойся. Я уже не кусаюсь. Я теперь беззубая кобра, – и засмеялась одними глазами. А у меня от страха холодок пробежал по спине.

Мы с Любаней оказали ей медицинскую помощь в полном объёме, согласно алгоритмам, и расстались. В лифт вошли молча.

– Люди зря писать не будут, – решил я нарушить молчание.

– В стопке бумаг на столе я нашла журнал, а в нём статью про нашу... Сань! – Любаня закрыла глаза руками. – Наша Скорпинея – Герой Советского Союза, разведчица. Она прототип героинь многих книг и кино про войну. Они за нас, а мы...? Как же стыдно...

– Дела-а, – давешнему злостному курильщику Ключеву нестерпимо захотелось нарушить свой обет. Но после недолгой борьбы с искушением всё же достал из кармана леденец. – И что теперь?

– Мы с Любаней решили взять шефство над Скорпинеей.

– Почему Скорпинея? – спросил Пётр Иванович, довольствуясь конфетой вместо вожделенной сигареты.

– Любаша говорит, что на фотографиях она божественно красива, просто царевна, а Скорпинея ведь дочь подземного царя из сказки «Волшебное кольцо».

– Главное, не опоздать с раскаяниями, – констатировал Ключев.

«Коляскин, у вас вызов! Бригада ждёт в машине!» – донеслось из динамика.

– Пока, Иваныч!

– Ну прям как я в молодости! – закашлялся Пётр Иванович.

Саня легко впрыгнул в кабину «мерса».

– Адрес? Повод? – обратился он к Любаше.

– Усиевича, 23. Большой живот у женщины 18 лет, – Люба явно сердилась на Саню за задержку вызова.

– Виноват!

Люба отвернулась от Сани к окну.

– Готов искупить вину кровью и даже жениться, – забалагурил Санёк.

– Согласна. Выйду за тебя. Человек ты надёжный, проверенный. Завтра сразу же после смены в ЗАГС, а потом вместе за Мишкой в детский сад, – без тени улыбки отозвалась Люба.

– Кто такой Мишка? – удивился Саня.

– Вот видишь, как мало ты меня знаешь, – усмехнулась. – А туда же, «женюсь». Мишка – мой младший внук. Ему три года. Пораньше забрать из садика дочь попросила.

– А Колька? – удивлению Сани не было предела.

– Смотри на дорогу! Баламут! – строго сказала Любовь Васильевна Смирнова, фельдшер с двадцатипятилет-

ним стажем работы на скорой помощи. – А Колька – старший внук, ему почти пять.

– Ого! Да вы – бабка в законе!

– Я тебе покажу «бабка», – Любана резко повернулась и показала Сане кулак.

– Ну, Любочка Васильевна!

– Держи дистанцию, НАПАРНИК, – делая ударение на последнее слово, заявила Люба. – В детстве сказки не читал? Слышал: «Кому велено чирикать – не мурлыкайте».

– Всё. Понял, Любовь Васильевна, – ошарашенный реакцией на свой, как казалось ему, безобидный каламбур, сказал Саня, а потом посмотрел на Любу преданными щенячьими глазами.

– То-то же! – осталась довольной профилактической беседой с молодым сотрудником бывалый фельдшер.

– Приехали. И даже в расчётное время уложились. А можно с вами на вызов? Всё же пятый этаж, без лифта, – неуверенно обратился Саня к Любове Васильевне.

– Спасибо. Я уж подумала, что обиделся на меня.

– Не-а! Я всё равно вас люблю, и моё предложение остаётся в силе. – Они оба рассмеялись, и Саня понял, что прощён.

Хочу на Бали

Эта история произошла весной. В это чудесное время года частенько случаются удивительные, загадочные и необычные события, которые так и остаются необъяснимыми.

– Приехали, – сквозь сон услышал Максим.

– Уже? Так быстро? Как же хочется спать! Мне кажется, что я никогда не высплюсь. Хорошо, что сегодня последнее дежурство и в отпуск.

Максим Фёдоров, врач скорой помощи, работает в Москве, а живёт в деревне Акимо-Ильинке Тульской губернии, что в двухстах километрах от столицы. Чтобы не застрять в пробках и не опоздать на работу, Максим каждый раз перед дежурством вставал в три часа ночи. Вместе с приятелем Денисом Давыдовым вскладчину нанимали частного, и ровно в восемь они заявлялись на подстанцию. В свои тридцать четыре года Максим всё ещё холост. Он, конечно, не монах, были у него увлечения, только по сердцу никто до сих пор не пришёлся.

– И долго ты, внучек, в бобылях собираешься ходить? – часто сокрушалась по этому поводу его любимая бабуля Маша. – Вот помру, что делать-то будешь? В доме хозяйка нужна. И детишек нужно вовремя родить, чтобы успеть их на ноги поставить.

– Успею, ба, не волнуйся. Вот встречу ту, свою единствен-

ную, и сразу женюсь, – успокаивал её Макс.

В девять часов начиналась смена. Нужно было принять бригаду и настроиться «на лирический лад».

– Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня... Дай отработать эти сутки удачно, без тяжёлых вызовов, – проверяя оборудование на бригаде, Максим заученно повторял молитву последних Оптинских старцев вперемешку со своими словами.

С тех пор как Максим попал в ДТП и чудом остался жив, у него изменилось мировоззрение и мироощущение. Он благодарен за это своей бабушке, Марии Антоновне, которая верила в Бога верой «простого пастушка». Бабуля не разбивала себе лоб в молитвах и редко ходила в храм, никогда не демонстрировала своё отношение к Создателю, но всегда благодарила Его за каждый прожитый день.

Бог слышит тех, кто искренно к нему обращается. И поэтому вызовы на бригаду Максима поступали несложные, правда, в огромном количестве. Они сыпались, как из рога изобилия. Москву захлестнула очередная вспышка гриппа. Поликлиники и неотложки не справлялись, и вызовы перекидывались на 03. Помимо гриппующих, скорую завалили вызовами с профильными поводами. Началось весеннее обострение всех хронических болячек.

К трём часам дня желудок Макса громким урчанием напомнил об обеде.

– 214-я бригада свободна. Можно попросить обед? – с на-

деждой в голосе обратился Максим к диспетчеру.

– Попросить можно. Только вызовы стоят. Сегодня как никогда их тьма-тьмушая, – диспетчер сочувствовала бригадам, только сделать ничего не могла.

– Так они будут сутки стоять, мы же не роботы, – возмутился Дмитрий Горбов, фельдшер, напарник Макса. – Что? Детский вызов? Хорошо! Кидайте! Едем, едем, говорю, – Димка уже кричал по рации, так как планшет давно завис.

И такая дребедень целый день.

К шести вечера, после долгих уговоров, со словами «и хочется вам на ночь наесться» диспетчер региона дала добро на обед.

Гоняли до трёх часов ночи. Железный конь по кличке Mercedes Benz к этому времени обессилел и нуждался в заправке, и только после этого Макс и его бригаде разрешили вернуться в «стойло» и тоже «заправиться» ...

Самолёт стал стремительно набирать высоту. Максим закрыл глаза, чтобы никто не заметил в его красивых, с миндалевидным разрезом бархатисто-карих глазах панику. От страха он не знал, куда деть свои длинные руки, ноги и заёрзал на кресле, чтобы удобнее усадить свои метр девяносто. От шума мощного двигателя заложило уши, и Макс широко открыл рот.

– Попробуйте зажать нос пальцами и сильно надуть щёки, – услышал он робкий женский голос. – Мне обычно помогает, – тактично посоветовала девушка, которая сидела

через проход от Макса.

Максим последовал совету соседки и «пробки» из ушей мгновенно выскочили.

– Ух! Спасибо! А то так неприятно было.

– Вы первый раз летите на Бали?

– Первый, – честно признался Максим и, не поднимая глаз на соседку, нервно поправил свои густые тёмно-русые волосы. – И на самолёте лечу впервые. Страшно до неприличия. Есть желание выпить до бесчувствия и проснуться тогда, когда самолёт уже приземлится.

– Я тоже бы не отказалась крепко заснуть. Летать я не боюсь, просто сам перелёт долгий и утомительный.

Максим справился со смущением и посмотрел на девушку. Она оказалась небесной красоты; вся такая тоненькая, хрупкая, нежная.

– Вы такая отважная? Восхищён! Позвольте пожать вашу мужественную руку.

– Тогда давайте знакомиться. Меня зовут Ангелина, – без тени кокетства представилась девушка. – Люблю путешествовать. Взяла отпуск за свой счёт и решила опять на Бали слетать, уж больно там красиво.

– А меня зовут Максим, можно просто Макс. Я, как говорили в известной комедии Гайдая, «дальше Дубровки» нигде не был. В этом году отпуск выпал на март. Устал за год смертельно. Так захотелось погреться на солнышке. Живу в деревне, работаю в Москве на скорой. Получил зарплату, от-

пускные и решил на путешествие.

Они обменялись рукопожатием.

– У вас очень благородная и трудная работа. Я часто вызывала скорую своей бабушке. – Ангелина тяжело вздохнула, и её большие голубые глаза увлажнились.

– Надеюсь, сейчас с вашей бабушкой всё в порядке?

– Год назад бабушка умерла. – Ангелина встряхнула шапкой светлых волнистых волос и чуть прикусила себе нижнюю губу.

– Извините, – Максим искренне сочувствовал Ангелине. За десять лет работы он так и не смог привыкнуть к смерти.

– Не извиняйтесь. Всё нормально. Бабушка была мудрым человеком и неоднократно повторяла, что все мы под Богом ходим. Жила каждый день, как последний. Никогда ни с кем не ссорилась, не обижалась, никогда я не слышала, чтобы бабушка кому-то завидовала или кого-то осуждала, помогала делом и словом нуждающимся. И меня тому учила. Так что извиняться вам не за что. Мне просто её очень не хватает.

– Я тоже обожал свою бабулю. Родители развелись, когда мне было пять лет. Так получилось, что она одна меня поднимала. Я и в отпуск никуда не уезжал раньше, потому что нужно было помогать бабушке по хозяйству. Бабуля казалась такой здоровой, сильной. А год назад пришла из церкви, приготовила обед и прилегла отдохнуть. Уснула, так и не проснулась.

– Царствие им Небесное, – в один голос сказали Максим

и Ангелина.

– Ангелина, а расскажите мне о Бали, пожалуйста, – Макс решил сменить тему.

– С большой радостью, – она повернула голову в его сторону, и Макс обратил внимание, какая у неё белая, изящная шея.

Голосом нежным, с серебристым оттенком Ангелина начала свой неспешный рассказ о прекрасной и далёкой стране. Глаза Макса как под гипнозом закрылись, голова медленно опустилась на грудь...

Самолёт пошёл на посадку. Приземление было далеко не мягким, его так тряхнуло, что Макс подпрыгнул на кресле и открыл глаза.

– Что, уже прилетели? – спросонья позёвывая, спросил Макс.

– Приплыли! Колесо попало в яму! Нужно теперь аварийку вызывать! – голос Ангелины почему-то стал мужским и грубым.

Макс от испуга широко раскрыл глаза и увидел, что он сидит в карете скорой помощи, а водитель Витька Цыпин, кричит благим матом, бегает вокруг машины и пытается дозвониться до своего бригадира.

– Бли-ин! Какой сон обломали! Хочу на Бали! – расстроился Макс.

– Будут тебе Бали и Мальдивы с Мальтой! – смеялся Димка. – Что тебе снилось-то, док?

– Снилось, что лечу в самолёте. Познакомился с девушкой неземной красоты и редкого обаяния. Что теперь делать, Димон?

– Дожить до утра и в отпуск! Перетрудился ты, брат. Кстати, в отпуск куда собираешься?

– Теперь точно на Бали, – решительно заявил Макс.

– Ты же боишься летать. Сколько раз предлагал составить компанию, всё время отказывался.

– А теперь не боюсь.

Боинг 737, самый популярный в мире реактивный пассажирский самолёт, медленно вырулил на взлётную полосу. На табло красными буквами сообщалось, чтобы пассажиры пристегнули ремни. Громко зашумели двигатели, самолёт разогнался и взлетел. При наборе высоты в самолёте что-то ещё рычало, скрежетало и шумело, отчего у Макса заложило уши. Он вначале широко открыл рот, а потом вспомнил и зажал крепко нос и надул щёки. Барабанные перепонки «встали» на своё место.

– Я так же спасаюсь от неприятного оглушения, – услышал он знакомый, с неповторимым тембром голос.

Макс повернул голову вправо и увидел Её.

– Здравствуйте! – поздоровался он с Ней как со старой знакомой. – Расскажите мне о Бали, пожалуйста, а то я почти ничего не знаю об этой стране.

– С большой радостью! Этот чудесный остров находится...

– У вас волшебный голос, я боюсь, что усну и пропущу самое интересное из вашего рассказа, – Максим пытался бороться со сном, который вдруг навалился на него.

– Отдыхайте. Всё только начинается, – улыбнулась Она, глядя на сладко посапывающего Макса.

Смешная девчонка

«Мы в жизни любим только раз,
А после ищем лишь похожих...»
Сергей Есенин

Любовь... Мужчина и женщина. Господи!!! Что же это такое?

Неужели так никто и никогда не найдёт эту формулу любви, не даст чёткого объяснения этому явлению??? За что мы любим? За что нас любят? Если кто-то начинает объяснять мне, за что он или она любят, мне сразу становится скучно и неинтересно это слушать. Не верю я, грешная, что есть этому чувству объяснение. Я так думаю. Могу и ошибаться, это лишь моё собственное представление о любви.

За всю свою долгую жизнь я так часто путала любовь с влюблённостью, что просто заблудилась в этих чувствах. Очень часто на смену влюблённости приходило разочарование. Правда, теперь, с высоты своего возраста, поняла: я сама придумывала себе «героя», а потом удивлялась, что в нём что-то не так. Вот дурочка! До сих пор хочу любить и быть любимой, как в сказках. Чтобы за тобой и ты, соответственно, в огонь и в воду, и, как говорится, и в горе и в радости! Как я люблю сказки, особенно про любовь! Про тяжкие ис-

пытания, которые выпадают на долю двух любящих сердец. Где коварство, предательство и соблазны рушатся перед силой Великой Любви. Как достойно и мужественно влюблённые преодолевают все тяготы судьбы. За это они и получают высшую награду – СЧАСТЬЕ БЫТЬ ВМЕСТЕ, «пока смерть не разлучит их». Но есть одно маленькое «но». Большинство сказок заканчиваются свадьбой. А потом? Что потом? Видимо, наступает конец сказки...

«В человеке должно быть всё прекрасно», – так, кажется, писал известный классик. Уже в юности мне всё меньше и меньше нравились «аленделоны». Если «аленделон» мне не был интересен как собеседник, никакая милая мордашка и накачанное тело меня не могли удержать с ним рядом. Мне были интересны интеллектуалы, хотя собственный интеллект был ниже среднего, я была «повёрнута» в основном на стихах.

Мальчики, а потом и мужчины никогда первыми меня не замечали. Инициатором знакомства всегда была я.

Помню, в шестнадцать лет нашу школу отправили на летнюю практику в один из подшефных колхозов в Подмосковье.

Это были лагеря труда и отдыха для старшеклассников. Кроме школьников работали и отдыхали здесь также студенты. Стройотрядовцы помогали строить то ли коровник, то ли свинарник. Вечерами нам устраивали танцы под магнитофон. Я сразу же выделила ЕГО из всех парней: высокий,

статный, фигура спортсмена, красивая стрижка, под «битлов», высокий открытый лоб. Глаза – можно утонуть! В общем, ещё один «кинокрасавчик». Ясный пень, этот точно меня не увидит, ещё и отмахнётся, как от назойливой мухи. Тут объявили «белый танец», а я и подумала: «Вот сейчас возьму и подойду к нему». Но меня опередили. Девчонки наперегонки ринулись в его сторону.

На моё счастье в танцах объявили перерыв. Я решительно подошла к «принцу» и просто сказала:

– Привет.

– Привет! – весело ответил «принц» и внимательно посмотрел на меня.

– Как тебе здесь? Нравится? – продолжила я разговор.

– Да так себе. А что? Есть другие предложения? – и он улыбнулся белоснежной «голливудской» улыбкой, такой открытой и притягательной.

– Есть! Предлагаю сбежать отсюда, здесь недалеко есть речка, там очень красиво! – смело предложила я.

– Принимается!!! – Он взял меня за руку, и мы выбежали с танцплощадки.

Бежали долго, как будто за нами была погоня, почему-то хохотали, как полоумные.

Я выдохлась первая, взмолилась:

– Давай передохнём!!!

– Ага! Наконец-то устала! А то думал, опозорюсь перед девчонкой, у меня ведь первый разряд по лёгкой атлетике.

– Давай присядем хоть вон на то поваленное дерево, – сказала я, указав рукой на сломанную берёзу.

– Надо сначала восстановить дыхание. Сейчас покажу упражнение, а то дышишь, как паровоз.

Я послушно повторяла за ним упражнения, потом поймала его взгляд на себе. Он смутился и хриплым голосом строго сказал:

– Достаточно.

А я покраснела до корней волос. Увлёкшись восстановлением дыхания, я забыла, что на мне мини-юбка и что мои наклоны могут смутить кого угодно.

– Виктор, – как-то официально представился он. – Учусь в энергетическом.

Я в свою очередь назвала своё имя.

– Вот и познакомились! – сказали мы в один голос и опять рассмеялись.

Мы всё же присели на импровизированную скамейку. Я ещё тяжело дышала. Непослушные волосы лезли мне в глаза и в рот. Я не видела себя со стороны, но представить себе могла: лохматое пугало – ни дать ни взять. Витя легонько дотронулся до моей мокрой чёлки и убрал её со лба, снял резинку с моих спутанных волос, пальцами рук расчесал их и снова собрал в хвостик. Он сделал это так умело, что я невольно спросила его:

– Где опыта набрался?

– У меня есть младшая сестрёнка, каждое утро вожу её в

детский сад, частенько приходится косы ей заплетать. А что? Тебе неприятно?

– Непривычно, обычно я сама это делаю, – нарочито строго ответила я.

– Зато теперь порядок. Какая же ты смешная девчонка! – и он раскатисто рассмеялся.

В другой раз я бы обиделась, а здесь стала с ним вместе хохотать.

– Ага! Прямо Чарли Чаплин и Олег Попов в одном лице!!!

– Между прочим, нашу Надежду Румянцеву, актрису, сыгравшую роль Тоси Кислицыной в фильме «Девчата», за границей называют Чарли Чаплином в юбке. А ты копия Тоси Кислицыной.

– Хоть бы соврал, что ли, что я похожа на Мэрилин Монро, а то на Тосю... – я сморщила нос. А он чмокнул меня в щёку, и как в кино, отпрянул от меня на безопасное расстояние.

– Ты что, дурак? – вырвалось у меня.

– Почему дурак? Мне очень захотелось тебя поцеловать...

– А зачем прыгаешь от меня, как ужаленный?

– Ты такая маленькая, я не знаю, как себя с тобой вести.

– Я что, тебе нравлюсь? – неуверенно спросила я Витю.

– Очень. Я таких девчонок только в кино видел.

– Не заливай! – не поверила я.

– Не буду.

Мы взяли за руки и побрели вдоль реки. Какое это было

счастье для меня! Говорили обо всём и ни о чём. Он рассказывал множество смешных историй из студенческой жизни, рассказывал много о своей будущей профессии так интересно и увлекательно, что хотелось его слушать и слушать.

Я читала стихи. Всё подряд. Он восхищался тем, сколько я знаю на память. Но когда я дошла до Асадова и Щипачёва, мой «принц» загрустил.

– Что-то случилось? – насторожилась я.

– Нет. Слушаю стихи, – и тихо, почти шёпотом повторил за мной: – «...Любовью дорожить умеете, с годами дорожить вдвойне. Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...»

– Как ты думаешь? Что такое любовь? – он взял меня за плечи, развернул к себе лицом и пристально заглянул мне в глаза. Я всем существом потянулась к нему. Наши губы встретились. Поцелуй был короткий. Витя подхватил меня на руки, как ребёнка, и стал кружить. Потом резко остановился, поставил на землю и повторил свой вопрос:

– Так что же такое любовь, по-твоему?

– У нас с тобой любовь!!! – твёрдо ответила я.

– А как же там у Асадова? «...Сколько вы пудов с ним соли съели? Что вы знали, ведали о нём? Как успели в душу заглянуть?»

– Если ты считаешь, что у нас не любовь, тогда пошёл вон! И не смей ко мне больше прикасаться!!! – выкрикнула я и побежала от него прочь.

Он догнал меня, крепко прижал к своей груди.

– Маленькая, смешная девчонка! Перестань реветь! Через год я уйду в армию, и ты забудешь меня и не вспомнишь обо мне больше никогда. Ты очень хорошая. Правда-правда!! Мне очень хорошо с тобой, легко, радостно, светло. Так и держал бы тебя и не отпускал, расставаться с тобой не хочется. Только ты ещё маленькая. А я уже мужчина, у меня были взрослые отношения с женщинами. Понимаешь? Тося Кислицына.

– Я не Тося! Я хочу взрослых отношений с тобой! Я хочу любить тебя, как взрослая женщина, я читала об этом, я знаю!!! Я хочу, чтобы ты стал моим первым и единственным мужчиной!!!

Он крепко держал меня в своих объятиях, целовал в макушку, а я обезумела от счастья.

– Я люблю тебя! Я хочу быть твоей. Или уходи и никогда не появляйся на моём горизонте! – выдохнула я.

Он оторвался от меня и очень грустно произнёс:

– Милая, смешная девчонка! Как я хочу тебе сказать то, что ты хочешь услышать. Ещё больше я хочу стать твоим первым мужчиной. Но я не могу тебя обманывать... – и напел: – «не обещайте деве юной любви вечной на Земле...» Пойдём на базу, а то тебе попадёт, скоро отбой. Ваши воспитатели и учителя, наверно, уже переполошились. Не бойся, я тебя провожу.

– Уходи! Пошёл вон! Ваше благородие! Сама разберусь,

без заступников!!! – и со всех ног побежала к школе, где размещался наш лагерь.

Нина Павловна была одна. Она стояла у калитки школьного сада, и даже в свете уличного освещения я увидела, как она бледна.

– С тобой всё в порядке? Тебя никто не обидел? – помертвевшими губами еле слышно произнесла Нина Павловна, моя любимая учительница русского языка и литературы.

– Только бы попробовали! А никакой любви, Нина Павловна, нет! Всё это сказки для маленьких дурочек! – дерзко выпалила я.

– Потом об этом поговорим, ладно? А теперь умываться и спать! Я тоже с ног валюсь. Ты что, совсем забыла? Мы же утром уезжаем, наша смена закончилась.

Утром нас посадили в автобус. Я вывернула себе всю шею, я всё же ждала, молила, чтобы хоть одним глазком его ещё раз увидеть. Девчонки ехидно смеялись, глядя на меня, а мне было «по барабану», лишь случилось бы чудо: увидеть его хотя бы в последний раз.

Автобус тронулся, выехал из деревни. На повороте в город я увидела знакомый силуэт. В руках у Вити был букет из полевых цветов. Он махал им и что-то кричал нам вслед. Мне послышалось:

– Будь счастлива!!!

Мы вернулись домой.

На следующий день я тяжело заболела. Температура под-

нялась выше сорока, я бредила, и в бреду я ЕГО ЛЮБИЛА, так отчаянно, так смело, а ОН отвечал мне взаимностью, и всё повторял: «...милая моя, смешная девчонка». Я чувствовала запах его разгорячённого тела, отчего у меня кружилась голова, каждое его прикосновение вызывало во мне невероятную дрожь. С моих губ невольно срывался стон, а сердце от счастья выпрыгивало из груди....

Всё перемешивалось в моих бредовых снах: противно смеялись одноклассницы, тыча в меня пальцами, мама плакала и причитала надо мной, как будто я уже умерла. Нина Павловна молчала и смотрела на меня с испугом, Галка, моя лучшая подруга, почему-то голосом Пугачёвой пела: «...этим летом я встретилась с печалью, а любовь прошла стороной...» Потом на каком-то незнакомом вокзале я бежала по перрону, пыталась догнать уходящий поезд. Витя, стоя на подножке вагона, махал мне огромным букетом полевых цветов.

– Будь счастлива!!! – донёсся до меня его голос.

Я бежала так быстро, что казалось, сейчас умру от нехватки воздуха, в груди что-то булькало и клокотало. Задышавшись, я рванула на себе блузку и из последних сил крикнула:

– Вернись!

Вдруг ангелы в белом подняли меня на руки, и я оказалась в невесомости. Тело моё стало лёгким, я свободно задышала полной грудью, а сердце забилось ровно-ровно.

Я очнулась и открыла глаза.

– Ну, слава богу! Кризис, кажется, миновал, – услышала я незнакомый голос. – Просыпайся, милое создание, хватит пугать нас! – Около моей кровати стоял старенький доктор.

– И что за молодёжь такая квёлая пошла? Чуть только от мамкиной юбки оторвутся, и на тебе – подцепила какой-то вирус. Ужас! «Мимоза в ботаническом саду»!

– Не «мимоза», – потрескавшимися от лихорадки губами возразила я.

– А кто ты, если не «мимоза»? – удивился доктор.

– Смешная девчонка, – и прошептала еле слышно: «...яркое, весёлое, зелёное, до свиданья, лето, до свидания».

– Опять, что ли, бредит? – пожал плечами доктор.

– Не волнуйтесь, мне гораздо лучше, – поспешила я успокоить «Айболита». – Я просто люблю эту песню, – и вдохнула полной грудью свежий воздух, который шёл из открытого окна больничной палаты.

– Ну и хорошо, – доктор поспешил к другим своим пациентам.

Вот так закончились мои летние каникулы.

Мой «принц» исчез из моей жизни навсегда, а вот из памяти не уходит до сих пор. Так что же это было? Может быть, это любовь?

Так не бывает

Наконец-то объявили, что поезд Москва-Гомель отправляется. Маше казалось, что время остановилось и поезд никогда не поедет, а вечно будет стоять на вокзале. Спешить, казалось бы, ни к чему. Там, куда она сегодня едет, нет никакой романтической подоплёки. Всё очень прозаично. Она едет в Белоруссию лечить свой позвоночник. Родственники и друзья очень нахваливали белорусские санатории, говорили, что после санатория они теперь как новенькие. Маше очень хотелось быстрее попасть на место чудес, «обновиться» и забыть о боли и всех её «попутчиках». Она много лет не ездила в поездах. Туда, где в последние десять лет она бывала, можно добраться только самолётом и всего за три часа. А здесь пикировать всю ночь, да ещё в купе с чужими людьми. Хотелось побыстрее улечься на полку, уснуть и проснуться уже в Гомеле. Боль противно буравила поясницу, хотя от количества принятых обезболивающих она должна была не напоминать о себе до конца поездки.

«Вот гадство!– возмутилась Маша. – И что тебе надо? Сволочь! Ну, держись! Я всё равно не поддамся тебе!»

Она давно с этой болью живёт и как-то незаметно для себя стала с ней вести беседы. Чаще они шли на компромисс, договаривались полюбовно. Но иногда боль так изматывала её, что та начинала ругаться. А ругаться и спорить Маша не

любила и не умела. Это было совсем не в её характере. Мягкая, доброжелательная, она старалась дипломатично уйти от ссор и разного рода разборок, и чаще всего ей это удавалось.

Вдруг постучали, и минуту спустя открылась дверь в купе. На пороге стоял мужчина чуть выше среднего роста, спортивного телосложения. Отсутствие растительности на его волосистой части головы со щетиной на лице смотрелось особенно харизматично и неординарно.

– Здравствуйте, – добродушно поздоровался вошедший. – С кем это вы тут ругаетесь?

– Здравствуйте. Вам показалось, – от неожиданного появления незнакомого человека Маша растерялась, и стыдливо-робкая улыбка пробежала по её лицу.

– Прошу прощения, вы уже переоделись? Можно вас попросить выйти, я тоже хочу переодеться.

– Вот чёрт! – попытка встать обернулась для Маши прострелом, от чего из глаз искры посыпались.

– Ой! Простите! Сидите! Сидите! – растерялся мужчина.

– Вот ещё! – превозмогая боль, Маша встала и вышла из купе.

Прислонившись к стенке вагона, она втянула живот, после чего боль немного уменьшилась.

«Ну ты даёшь! Признаю, была не права, погорячилась. Хотя сама виновата, нельзя же быть такой назойливой», – Маша пыталась в очередной раз договориться. Боль сжалась и отпустила. Но одна мысль, что ей придётся ехать в одном

купе с чужим человеком, да ещё мужчиной, взвинтила нервы до предела.

Через десять минут Маша уже вернулась на своё место. Попутчик не приставал с вопросами и не пытался завязать разговор, они молча пили чай, принесённый проводницей. Маша по-прежнему испытывала эмоциональный дискомфорт в обществе незнакомого человека. Но, взяв себя в руки, стала незаметно наблюдать за ним.

«Интересно, сколько ему лет? На первый взгляд хорошо за сорок. Хотя лысые мужчины чаще выглядят старше своего возраста, – Маша мысленно стала анализировать соседа по купе. – Походка уверенная, движения чёткие, взгляд спокойный. Видно, что Бог обошёл его хворями. Где же я читала, что лысина на голове мужчины – это признак активной умственной деятельности и сексуальности? А, неважно, – она невольно улыбнулась, вспомнив, как целовала своего Митю в лысую макушку, приговаривая, что лысина – это дополнительное место для поцелуя. – Похоже, интеллигент, – не смолкал внутренний голос. – Не то что мой «деятель культуры», у которого «блин» – самое приличное слово в лексиконе». – Маша смотрела на соседа, стараясь ничем себя не выдать. Но её осторожный взгляд не ускользнул от него.

– Меня зовут Алексей, – тоном уверенного в себе человека представился мужчина. – А вас? – в его голосе появились опасные нотки, и он стал откровенно её разглядывать.

Маша ещё больше сконфузилась. Первое впечатление о

попутчике тут же улетучилось: «Не интеллигент! От слова СОВСЕМ!»

Алексей будто не замечал, что женщине неуютно в его обществе. Уверенные в себе люди чувствуют себя расслабленно в любой компании, где бы они ни находились.

– Еду к друзьям в Светлогорск, в Жлобине выхожу, – его пристальный взгляд, как показалось Маше, обладал гипнотизирующей силой, от чего ей и вовсе стало не по себе.

– А я еду до Гомеля, – она демонстративно стала смотреть в окно, всем своим видом показывая, что не готова поддерживать диалог.

– Думаю, вам понравится. Не слышал ни одного негативного отзыва о Белоруссии.

– Надеюсь. Спокойной ночи.

– Спокойной, – тихо отозвался сосед. – Свет погасить? – невинным голосом осведомился он.

– Да, – не очень вежливо ответила Маша.

Она легла на полку и отвернулась к стенке. «Господи! Какая мука ездить в поездах!» Через пять минут всё тело одеревенело. Маша вертелась с боку на бок, не могла найти удобную позу, казалось, что не уснёт ни за что, но усталость взяла своё, и она провалилась в темноту.

– Просыпайтесь, скоро поезд прибудет на конечную станцию, – сквозь сон услышала она голос проводницы.

Маша открыла глаза. Соседа и след простыл. Где-то в груди появилась неприятная тяжесть и тревога, и она стала су-

дорожно проверять, всё ли на месте. К счастью, все вещи, документы и деньги были в целости и сохранности.

– Слава богу, – из груди вырвался вздох облегчения.

Маша быстро привела себя в порядок и направилась к выходу. Чемодан был неподъёмный, вроде бы взяла всё необходимое, а тяжёлый, зараза. Она подняла его, как тяжелоатлет берёт штангу – присела и взяла вес. На платформе наперебой таксисты предлагали свои услуги.

В турагентстве клятвенно заверили, что её будет ждать автобус санатория и брать такси нет никакого смысла. Но пока Маша искала место встречи и с трудом дотащилась до него, обещанный и оплаченный «трансфер» накрылся медным тазом. Автобус санатория показал ей хвост.

– Хорошенькое начало, – Маша с нескрываемой досадой и откровенной злостью пнула свой ни в чём не повинный чемодан. Пнула так, что от боли заскакала на одной ножке и тут же нашла не менее десяти синонимов словосочетанию «нехороший чемодан».

– Не стоит так огорчаться, – Маша обернулась на голос и увидела своего нового знакомого.

Алексей приветливо улыбался, стоя около автомобиля, явно «раритета» конца девяностых. Из-за густого слоя пыли старенькая Skoda была неопределённого цвета. Мало того что старушка была, мягко говоря, неопрятна, она ещё громко тарахтела и издавала неприличные звуки.

– Вы-то откуда здесь взялись?! – Маша была готова про-

валиться сквозь землю. Алексей, конечно, видел, а главное, слышал, что тут она вытворяла. Это современная молодёжь ругается, как портовые грузчики, и не видит в этом ничего зазорного, а Маша от стыда покрылась красными пятнами. – Вы же вышли в Жлобине.

– Совершенно верно, вышел. Только у меня с друзьями был уговор, что дальше я передвигаюсь по стране самостоятельно. Знаете ли, у меня слабость: люблю путешествовать на машине. Друзья пригнали мою «крошку» в Жлобин. Я решил съездить вначале в Гомель. Еду по городу, смотрю: вы стоите на остановке, расстроенная.

– Да, вот автобус ушёл. Идти обратно на вокзал и брать такси, честно говоря, нет сил.

– Тогда милости прошу, домчу вас с ветерком, куда скажете, – Алексей схватил чемодан, с лёгкостью, словно дамскую сумочку, положил его в багажник, а перед Машей распахнул дверцу своего авто.

Маша стояла как вкопанная и не могла сдвинуться с места. Противоречивые чувства боролись в ней. С одной стороны, хочется побыстрее добраться до санатория, с другой – страшно садиться в машину к неизвестному мужчине, случайному знакомому, с которым только и успела перекинуться парой фраз в поезде. Как-то подозрительно он здесь оказался, и такой вежливый, обходительный. В лучшем случае мошенник, а в худшем? А если это убийца? Маньяк? Мамочки!

– Немедленно верните мой чемодан! Никуда я с вами не поеду!

Алексей изменился в лице.

– Вы что так испугались?

– Верните мои вещи! Иначе я буду кричать и звать на помощь!

Алексей вытащил чемодан, поставил его рядом с Машей и, прежде чем сесть в машину и уехать, с удивлением произнёс:

– Неожиданно. Всего вам доброго.

– И вам не хворать, – истерично хихикнув, пролепетала Маша.

Она села на чемодан и уронила голову на грудь. От обиды слёзы полились ручьём, и появилось острое желание вернуться домой.

– Кто заказывал такси? – сквозь рыдания услышала Маша, подняла голову и увидела рядом с собой машину с заветными «шашечками» на крыше.

– Я не заказывала, но мне очень нужно добраться до санатория «Солнечный берег», – всхлипывая, попросила бедолага о помощи. – Пожалуйста, довезите.

– Не надо плакать. Это санаторий, который в Александровке? – укладывая чемодан в багажник, уточнил таксист.

– Не знаю, – растерялась Маша.

– Вы по путёвке едете?

Ей показалось, что таксист посмотрел на неё, как на ум-

ственно отсталую.

– По путёвке, – Маша достала из сумочки памятку, которую выдали ей в турагентстве. – Здесь написан адрес, – и показала его таксисту.

– Вот и ладненько. Не расстраивайтесь, сейчас мигом доведу.

Таксисту позвонили на мобильный, вероятно, диспетчер. Тот уточнил адрес, куда он намеревается доставить пассажирку.

– Еду в Александровку, в санаторий «Солнечный берег». Добро. Всё понял.

– Спасибо большое. Вы мой спаситель, – Маша села на заднее сиденье и тяжело вздохнула.

– Та не вздыхайте вы так тяжело. Санаторий прекрасный, у нас там лечат нефтяников, ну, и всех желающих. У меня тесть там каждый год реабилитируется. У него тоже беда с позвоночником, как и у вас, – таксист закашлял, понял, что сказал лишнее.

– Так заметно, что у меня беда с позвоночником?

– Та-а не-ет! Просто в этот санаторий едут в основном с этой проблемой, ну вот я и предположил.

– Правильно предположили.

Остаток пути ехали молча.

Санаторий «Солнечный берег» встретил Машу с распротёртыми руками. Девушка на рецепции была так рада приезде гостыи, что Маша почувствовала себя голливудской

звездой, которая осчастливила их своим присутствием. Номер, куда проводил её предупредительный молодой человек, был просторный и комфортабельный. Обстановка была недорогая, но новая: огромная кровать, телевизор чуть ли не во всю стену, торшеры и бра, дававшие свет приятного тёплого оттенка. Здесь же на отдельном столике стояли чайник, кофе и чай, а из окна открывался великолепный вид на Днепр.

Маша приняла душ и пошла на приём к врачу.

– Проходите. Присаживайтесь. Будьте добры, ваши документы: санаторно-курортную карту, выписки из стационаров, снимки, если есть, – доктор доброжелательно смотрел на Машу. – Меня зовут Аркадий Павлович Мальщик, я ваш врач.

Маша подала весь пакет документов, медсестра взяла их и стала что-то вписывать в журнал.

– Протрузии, протрузии... – задумчиво повторял врач, внимательно разглядывая снимки и заключения МРТ, предоставленные ему Машей.

– Что вас такстораживает, доктор?

– Вам сколько лет, Мария Александровна? – врач стал интенсивно тереть свой подбородок.

– Пятьдесят три, – выдавила из себя Маша. Она в который раз поймала себя на том, что её стали посещать странные чувства. Раньше она не смущалась в присутствии чужих людей, её не волновало, какое впечатление она производит на

них. Она давно живёт по принципу: «Мне всё равно, что скажут обо мне. Мне всё равно, что думают другие. Мне важно, что я знаю о себе. Всё прочее – лишь домыслы чужие». А теперь что? Откуда взялись эта растерянность и откровенное замешательство?

Аркадий Павлович сначала снял очки, потом опять натянул их на нос, встал, затем сел.

– Доктор, вы меня пугаете, – ещё больше разволновалась Маша.

– Простите меня. Я думал, вы гораздо моложе и хотел уже ругать...

– А выходит, я старушка и мои проблемы возрастные, – засмеялась Маша.

– Ещё раз простите меня за бестактность. Давайте наметим план наших процедур.

– Давайте.

– А знаете, Мария Александровна, у меня есть знакомый остеопат...

«Только не остеопат», – мысленно ужаснулась Маша.

Она пробовала лечиться у одного по рекомендации своей подруги. Принимал этот доктор на дому. Его услуги стоили в три раза меньше, чем в клиниках. Это, возможно, и была основная причина большого количества пациентов у этого специалиста. Она честно ходила на приём три раза в неделю, два месяца подряд, но ожидаемого результата так и не дождалась. Маша допускала мысль, что он и правда хороший

врач, просто ей не повезло.

– Мария, вы просто богиня. Признайтесь, вы потомственная дворянка? – мурлыкая, доктор каждый раз восхищался её утончённой, элегантной внешностью.

– Оптический обман. Мы, доктор, «столбовые крестьяне».

– Не может быть! Значит, какой-то барин подпортил вашу крестьянскую породу, – не унимался остеопат.

Как-то на очередном сеансе доктор повёл себя очень странно, после чего Маша к нему больше не обращалась. Остеопат почему-то стал рассказывать пошлые анекдоты, потом разные сексуальные истории из жизни известных людей. Увидев на лице ухмылку самодовольного самца, Маша умело сдержала свой гнев. Но когда и действия остеопата стали носить явно сексуальный характер, то она взорвалась:

– Доктор, прекратите заниматься глупостями! Я умею посылать наглецов на три весёлых буквы, только очень не люблю ругаться! Следует во всём соблюдать меру! – её слова стёрли ухмылку с его лица. – Если сеанс закончился, то мы с вами расстаёмся.

И расстались. Остеопат много раз звонил, просил прощения, что не мог удержаться, ведь Маша такая сексуальная, такая желанная. Её голос, стоны во время сеанса сводили его с ума, и случилось то, что случилось.

– Ваши эротические стоны я принял за сигнал к действию, – оправдывался остеопат.

– Сожалею. Но стонала я, доктор, от боли, а не от наслаждения. Простите, что мои стоны ввели вас в заблуждение. Прощайте, – Маша очень не любила ссоры, поэтому старалась смягчить расставание. Но с неприятными ей людьми расставалась без сожаления, раз и навсегда.

По поводу своего происхождения Маша не лукавила. Она обожала рассказы мамы о семье, об отце, которого Маша едва помнила, он трагически погиб, когда ей было пять, о первой встрече родителей и их любви.

Отец Маши Александр Ермаков родился в Сибири, в крошечной таёжной деревеньке. В восемнадцать лет женился и со свадьбы, почти в конце войны, прямиком отправился на фронт. Закончил войну в Японии в звании младшего сержанта. После демобилизации вернулся в родную деревню. От родных узнал, что его красавица жена не хранила ему верность, загуляла с райкомовским чиновником и умотала с ним в город. Александр Ермаков не стал искать неверную жену, не стал выяснять отношения с соперником, он просто ушёл в тайгу, стал работать на лесоповале. Однажды он получил письмо от фронтового товарища Петра Романова. Из письма отец узнал, что Пётр вместе со своей женой Машенькой и дочерью Лизой теперь живёт и работает в Москве. Пётр помнил, как на фронте отец мечтал выучиться на конструктора боевых самолётов, поехать в Москву и поступить в авиационный институт, предлагал приехать к ним и претворить мечту в жизнь. Письмо друга вдохновило Александра, и он,

не откладывая дело в долгий ящик, поставил семью перед фактом. Родные отнеслись к его решению неодобрительно. Тогда Александр молча собрал вещи и уехал. На одной из станций отбил телеграмму другу, и тот встретил его на вокзале. Добирались до дома Петра на такси.

Пётр Романов с семьёй из трёх человек жил в пятнадцатиметровой комнате коммунальной квартиры, которую получил от завода, где он работал водителем главного инженера.

– Станция Петушки! Скидывай мешки! – засмеялся Пётр, когда такси остановилось у подъезда одного из домов на улице, рядом с метро «Динамо». От большого города и впечатлений от него у Александра голова шла кругом. Поднялись на лифте на третий этаж, и Пётр нажал на один из многочисленных звонков на двери, и она тут же распахнулась.

Александр увидел девушку, больше похожую на подростка: с короткой стрижкой, в просторной рубашке и шароварах. Было видно, что она еле сдерживает себя от смеха. А он, Александр Ермаков, фронтовик, вдруг оробел перед незнакомкой. Он не мог оторвать своего взгляда от её бархатисто-чёрных глаз с миндалевидным разрезом. Сибиряк покрылся испариной и снял шапку.

Елизавета Петровна всякий раз хохотала до слёз, когда вспоминала первую встречу с будущим мужем.

– Открываю дверь, а передо мной Саша стоит, с головы до ног закутанный в меха. Я чуть со смеху не умерла. Хорошо, папа пришёл на помощь.

– Сашка, знакомься. Это наша дочь, Елизавета Петровна Романова, – фронтовой друг широко улыбался. – Что застыл? Все подробности потом, а сейчас проходи, раздевайся.

Александр никак не мог справиться со смущением, стоял и молчал.

– А мне отец рассказывал, что сибиряки храбрые. Или он обманулся? – Лиза в упор посмотрела на Александра.

– Лизок, не смущай гостя. Человек после долгой дороги. Не привык он к нашей суете и девушкам, которые непочтительно относятся к взрослым мужчинам.

Навстречу вошедшим выбежала Машенька и бросилась целовать гостя.

– Прходи, прходи! Еле вас дождались! У меня всё остыло за это время, а Елизавета успела несколько раз на каток сбегать!

Пётр и Мария были старше Александра на десять лет и относились к нему как к младшему брату. Пётр Романов не раз спасал ему жизнь, а однажды закрыл собой, получив ранение в грудь. В госпитале познакомился с медсестричкой Машенькой, а после выздоровления пришёл к ней и сделал предложение стать его женой. Мария согласилась, и они поженились.

За столом, под рюмочку, Пётр стал рассказывать Александру, что после демобилизации он привёз свою молодую жену в свою деревню, на Брянщину. Мать Петра была очень недовольна своей невесткой, «городской фифой из Москвы», да

ещё и пустоцветом. Решение взять ребёнка из детского дома пришло не сразу. По настоянию Марии молодые уехали в райцентр. Пётр устроился шофёром на автобазу, а Мария медсестрой в детский дом. Там-то они и познакомились с десятилетней Лизой Ненашевой. Историю её рождения и происхождения никто не знал, но девочка очень отличалась от своих сверстников. Она была не по годам рассудительна, обладала тонким подвижным умом, при этом никогда ни хитрила и не лукавила. Отличалась храбростью и сильной волей. Была горда и высокомерна в отношении с «сильными мира сего», но добра и вежлива со слабыми и униженными. Как-то раз Лиза в очередной раз заступилась за своего одноклассника, хилого мальчика, у которого мальчишки постарше отобрали хлеб на перемене. Вовка ревел, размазывая слёзы по щекам. Лиза узнала, в чём дело, нашла главного обидчика и залепила ему пощёчину. Тот даже не понял, за что. Но Лиза ему объяснила:

– За подлость. Ещё раз так поступишь, будешь иметь дело со мной, – и посмотрела так, что подлец, уже было замахнувшись на неё кулаком, отступил, приговаривая:

– Ты не знаешь, на кого руку подняла, сучка!

Лиза знала, что это был сын директора детского дома, от которого страдали дети помладше и послабее.

На следующий день на утренней линейке перед всем детским домом директор обличал Лизу во всех смертных грехах, позорил за недостойное поведение. Лиза стояла с гор-

до поднятой головой и расправленными плечами, как человек, шедший на эшафот за правое дело. Ей объявили бойкот, а она в знак протеста объявила голодовку. К Маше в медпункт её принесли после голодного обморока. Директор перетрухал и стал готовить документы о переводе «бунтарки» в другой детский дом с соответствующими комментариями, что ребёнок нуждается в психиатрической помощи. Когда Мария рассказала мужу историю Лизы, то им одновременно пришло решение удочерить этого ребёнка.

Лиза сразу полюбила своих приёмных родителей, а они не могли нарадоваться на свою долгожданную дочь. Чтобы не было лишних разговоров, семья переехала на новое место, Лиза стала ходить в другую школу. Никому и в голову не могло прийти, что она приёмный ребёнок, детдомовка.

Прошло семь лет. Как-то раз Лиза возвращалась из школы и увидела, как несколько ребят жестоко избивают Веньку, того самого подлеца, из-за которого она была несправедливо наказана. Венька лежал на земле, закрывал руками голову, тихо скулил, приговаривая:

– Я больше не буду-у-у...

Лиза, не раздумывая, залихватски свистнула. А свистела Лиза, как Соловей-разбойник. От неожиданности ребята разбежались в разные стороны, а она стала смеяться и улюлюкать им вслед. Подошла к Веньке, подала руку. Венька, «мелкая душонка», так в сердцах называла его Лиза, вытаращился на неё и стал грязно ругаться и гнать её от себя:

– Блядь! Уйди! Слышишь! Уйди!

Лиза спокойно достала носовой платок из кармана и стала вытирать кровь, которая капала из разбитого носа Веньки.

Через неделю Венька пришёл к ним домой. Лиза была одна. Она пригласила его войти, но тот застеснялся:

– Не, я так просто пришёл. Хотел извиниться.

– Проходи. Можешь считать, что ты раскаялся в содеянном и больше так поступать не будешь.

– Лизка, отец всё же был прав, когда говорил, что ты «голубых кровей». Другая бы послала на ху... хутор бабочек ловить, а ты вон в дом приглашаешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, из благородных будто ты, – Венька аж весь вспотел, пока подбирал слова, разговаривая с Лизой.

– Мы, Венька, «столбовые крестьяне», – Лиза вспомнила слова отца и засмеялась.

Лиза охотно прощала раскаявшихся обидчиков. Она мстила своим врагам презрением, но если кто-то из них попадал в беду, то она без колебаний шла им на помощь. С тех пор Венька в её присутствии не сквернословил и стал приходить к ней чуть ли не каждый день. Он никак не мог понять, почему рядом с этой тощей черноглазой девчонкой ему так хорошо, пока однажды не понял, что жить без неё не может.

Лиза прекрасно училась. Ей настолько легко давались все предметы, что она и родители никак не могли определиться с выбором её будущей профессии. В школе Лиза с удоволь-

ствием брала на буксир всех отстающих, и если человек был заинтересован в получении знаний, то Лиза с удовольствием ему помогала. Венька был в числе «заинтересованных» и готов был грызть науку хоть целые сутки напролёт.

– Мать, – обращался Пётр к жене, – а не кажется ли тебе, что Венька ходит к Лизавете не просто так?

– Не кажется, – громко вздыхала Мария. – Замечала, как Венька смотрит на неё и забывает дышать.

Мария в отличие от Лизы не очень верила в «раскаявшихся разбойников», ей не нравился Венька. Сказать прямо об этом дочери она не могла, а вдруг её девочка тоже влюблена, ведь жизнь такая непредсказуемая.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но случай на выпускном бале решил всё. Венька в этот день решил признаться Лизе в любви, а она не сразу нашлась, что ему ответить.

– Вениамин, – начала она издалека, – прости меня, но я сейчас не готова говорить с тобой на эту тему.

– Что же вас, фрау-мадам, останавливает? – Красавец Венька, сердцеед, не знавший отказа, весь позеленел от злости.

– Вень, давай не будем портить наши отношения, – Лиза ещё надеялась, что Венька поймёт её.

Но Венька потерял разум, он стал материться и проклипать её. Потом рухнул перед ней на колени и стал умолять:

– Лизонька! Любимая! Прости меня!

– Вень, встань. Ну пожалуйста, не надо мучить ни себя, ни

меня. Прости, если своим отказом я причинила тебе боль. Прощай, – резко развернулась и ушла.

Родители посоветовались и решили перебраться в Москву, на родину Марии. Хоть родных у неё там и не осталось, но Лизе нужно поступать в институт, где как не в Москве нужно учиться их одарённому ребёнку. Кстати, лучше будет, если Лизок станет учителем. По мнению родителей, это то, что больше всего ей подходит.

К моменту приезда гостя из Сибири Лиза была уже первокурсницей педагогического института.

Александр остался в Москве. Устроился на завод, получил место в общежитии, ходил на подготовительные курсы при МАИ. Не без помощи Лизы поступил на следующий год в институт на заочное отделение. Учёба давалась с трудом, и если бы не Лиза, бросил бы всё к чертям собачьим. Как только он заикался, что не справляется, Лиза с удивительной лёгкостью находила слова, чтобы переубедить его. Она верила в него, и эта вера творила чудеса. Он переходил с курса на курс и в итоге окончил институт и стал инженером-конструктором, перешёл работать в конструкторское бюро при своём же заводе. Александр и Лиза проводили вместе всё свободное время: зимой Лиза учила Александра кататься на коньках, летом ходили в турпоходы. Вместе ходили в кино, театры, музеи или просто гуляли по Москве, и незаметно для себя Лиза поняла, что влюбилась в сибиряка, поняла, что ей никто не нужен, кроме Александра Ермакова. А Александр

будто не замечал этого. Лиза усилием воли решила прекратить эти встречи.

– Лизок, вы вроде бы сегодня с Сашей собирались пойти на каток, – Мария не могла не обратить внимания, что дочь чем-то расстроена, с утра не проронила ни словечка, сидит за столом и смотрит в одну точку.

– Мам, я больше с ним никуда ходить не буду.

– Это ещё почему? То минуты считала, когда он придёт, а сейчас что случилось?

– Я его люблю, а он нет.

Мария подошла к дочери и обняла за плечи.

– Он сказал тебе об этом?

– Не сказал. Только он относится ко мне как к другу, и это невыносимо... – Лиза закрыла глаза руками.

– Может, не стоит рубить с плеча. Думается, что ты ошибаешься. Нам с отцом кажется, что Саша любит тебя, только очень боится признаться себе и тебе в этом, у него был печальный опыт.

Лиза стала спешно одеваться и побежала на каток. Александр издали увидел её. Лиза была без шапки, пальто нараспашку. Он очень испугался, что случилось что-то страшное, побежал ей навстречу. Лиза бросилась к нему и со слезами на глазах затараторила:

– Александр Ермаков, признайся немедленно, ты меня любишь? Если нет, то я не хочу больше тебя видеть! Никогда!!!

– Вот дурёха малахольная, – Александр прямо посмотрел Лизе в глаза.

– Скажи, – у Лизы задрожали губы.

– Лапушка моя. Разве я смею мечтать о таком счастье?

– Саша, я люблю тебя, люблю всем сердцем и не могу больше молчать об этом, так ответь и ты мне прямо на мой вопрос, – Лиза не моргая смотрела на растерянного сибиряка.

– Ты моя жизнь, – просто ответил Александр.

– Почему молчал? Почему измучил меня?

– Не люблю я громких слов...

– Лучше скажи, а то не выйду за тебя замуж.

– Девчонка ты ещё совсем, – Александр тяжело вздохнул.

Пойдём к родителям, буду вымаливать у них благословения на наш неравный брак.

Пожились через месяц. Родители Елизаветы Петровны получили квартиру, а молодым оставили комнату, где в 1967 году и родилась Маша, названная в честь бабушки, Марии Ивановны Романовой.

Про их любовь можно писать романы и снимать кино.

А Аркадий Павлович продолжал нахваливать своего эскулапа:

– Знаю, знаю. Одни считают остеопатов великими мошенниками, другие – волшебниками. Так вот. Наш – волшебник. К нему запись на полгода вперёд. А сейчас возьмите расписание назначенных мной процедур.

– Спасибо. До свидания.

Маша вышла из кабинета в растрёпанных чувствах – с одной стороны, ей как бы сделали комплимент, а с другой, напомнили о возрасте. Она побрела вдоль реки, сняла кроссовки и пошла по воде босиком. Вода была тёплая, и Маша решила искупаться. Вернулась в номер, переоделась и пошла на пляж.

– Как красиво! А главное, вокруг ни души, – Маша вошла в воду и поплыла.

Заплыла довольно далеко, легла на спину и стала наблюдать за облаками. От восторга закричала, что было мочи, и стала взбивать ногами воду в пену. Неожиданно кто-то крепко обхватил её. Так крепко, что стало трудно дышать, и потащил за собой. Это был странный и подозрительный попутчик. От страха Маша стала оказывать сопротивление.

– Да что ж ты делаешь?! Если не перестанешь вырываться, мы оба сейчас пойдём ко дну! – почти кричал Алексей.

– Отпустите меня немедленно! – Маша не сдавалась и по-прежнему извивалась и крутилась во все стороны.

– Дура! Я тебе сейчас врежу!

– Только попробуй! – Маша изловчилась и ударила его по голове, тот зарычал и каким-то неуловимым движением нейтрализовал её сопротивление.

Очнулась Маша на берегу, открыла глаза и увидела рядом с собой нападавшего, который сидел к ней спиной и отжимал свою мокрую одежду.

– Ты что, правда маньяк? – со стоном в голосе прошептала Маша.

– Это вместо «спасибо», что не дал утонуть? – нервно повёл плечами Алексей.

– Так ты меня спасал, оказывается? – Маша приподнялась на локте.

Алексей повернулся вполоборота и бросил на Машу негодующий взгляд. У Маши пересохло во рту.

Алексей быстро оделся и пошёл в сторону санатория.

– Спасибо! – крикнула Маша ему вдогонку.

– Обращайтесь, – не поворачиваясь, ответил «спасатель».

Прошло две недели. Подводное вытяжение, массаж, физиотерапия, лечебные ванны сделали своё дело. Маша почувствовала облегчение, но до хорошего было ещё далеко. На очередном осмотре Аркадий Павлович отметил положительную динамику и стал вносить коррективы в назначенные ранее процедуры.

Постучали в дверь, и в кабинет вошёл Алексей.

– Какие люди! А вот и наш чудо-врачеватель. Какими судьбами к нам?! – Аркадий Павлович вскочил со стула и пошёл ему навстречу.

У Маши упало сердце.

– И снова здравствуйте, – обратился Алексей к Маше.

– Вы что, знакомы? – удивился Аркадий Павлович.

Она испугалась, что Алексей начнёт рассказывать Аркадию Павловичу подробности их знакомства.

– Да, случайные попутчики, ехали в одном купе из Москвы, – натянуто вежливо произнёс Алексей. В его глазах таилась усмешка.

Маша резко встала со стула, кинулась в пространство между мужчинами и направилась к выходу.

– Завтра в семь тридцать жду вас в бассейне, на очередное вытяжение, – бросил ей вслед Аркадий Павлович.

– Да, да. Я помню, – сдавленным голосом проговорила Маша и, уходя, громко хлопнула дверью.

«Тут, кажется, что-то происходит», – было написано на лице доктора Малыщика, и он подозрительно посмотрел на Алексея.

– Лёха, дружище. Что это сейчас было? – хитро сощурил глаза Аркадий Павлович.

Алексей пожал плечами и взял в руки историю болезни Марии.

– Мария Александровна Турбина... – произнёс задумчиво Алексей. – Значит, я не ошибся...

– Что? Зацепила тебя Мария Александровна? – хитрая улыбка не сходила с лица друга.

– Пойду я, Палыч.

– Лёха, ты втюрился?

Алексей скрипнул зубами и быстро вышел из кабинета.

От испытанной неловкости в кабинете врача у Маши остался неприятный, паршивый такой осадок. Вот только она никак не могла понять, почему так гадко на душе; то ли

от собственной глупости, то ли от реакции других на эту глупость.

Вечером этого же дня Маша сидела в баре и допивала четвёртый бокал шампанского. «Напиться и забыться» – вот цель, которую она преследовала сегодня. Но в этот раз алкоголь её никак не брал. Обычно Маша сильно пьянела от шампанского, достаточно было выпить один бокал, и она «выпадала в осадок», как говорил её сын Митька.

Митька её надежда и опора, её гордость. Митька – это лучшее, что у неё получилось в этой жизни. Как же быстро летит время! Кажется, только вчера поступила в институт, на радость маме, чтобы продолжить династию учителей. На втором курсе познакомилась с Пашей, студентом Бауманского. Влюбилась сразу, без памяти. Поженились в летнюю сессию, между экзаменами. Жили у неё, в коммуналке, в одной комнате с мамой, за шифоньером. Счастье. Какое это было счастье. Здесь же родился Митька. На радость всей семье рождение Митьки не изменило планы Маши, она даже академку не брала. Успешно окончила институт и поступила на работу в школу. Паша поступил в аспирантуру.

И кто знал, что развалится Союз! В страшном сне не могло присниться, что учителя, врачи, инженеры, учёные, артисты бросятся челночить, торговать, таксовать, чтобы как-то прокормить свои семьи. Паша таксовал и однажды не вернулся домой. Его нашли с проломленным черепом через неделю в подмосковном лесу, без верхней одежды и обуви.

Как она пережила это? Сама не знает. Не знает, как не сошла с ума от горя. Но надо было жить, поднимать сына, заботиться о престарелой матери.

– Дмитрий Павлович Турбин, – так Маша обращалась к сыну, когда сердилась на него.

Митька виртуозно уходил от наказания:

– Мама, я не хочу с вами ссориться, – нежно её обнимал, а она забывала о том, за что хотела его поругать.

Маша ещё некоторое время делала вид, что сердится, приговаривая:

– Митя-Митрий, Дмитрий-хитрый, – но Митька не выпускал её из своих объятий, пока не понимал, что прощён окончательно.

Митька рано повзрослел. Очень болезненно реагировал на то, что Маша в свободное от основной работы время летала в Турцию, челночила и таскала огромные сумки с товаром.

– Мама, женщины не должны таскать такие тяжести! – сердился сын.

– Не должны, сынок, – соглашалась Маша. – Но жить на что-то надо. Зарплата в школе ты знаешь какая, и ту вовремя не дают.

– Я что-нибудь придумаю. Но ты больше не будешь челночить. Я сказал!

Как сказал – так и сделал.

Как-то в их школе снимали какой-то сериал. Неизвестно

почему, но режиссёр обратил внимание на Митьку, предложил сыграть в эпизоде. С тех пор его стали приглашать из сериала в сериал и даже на главные роли.

Он много снимался, вплоть до окончания школы и стал «кормильцем» семьи, так с любовью называла его бабушка, Елизавета Петровна. Сын не представлял своей жизни вне кино, а Маша сопротивлялась. Мир кино такой непрочный, такой неустойчивый: то взлёт на гребне успеха, то падение в бездну неудач. Она хорошо помнила печальные истории не только юных артистов, но и прославленных, знаменитых её кумиров. Но продвинутый Митька и не пытался стать профессиональным актёром, он осознанно поступил во ВГИК на факультет продюсерства и экономики. Во время учёбы не прекращал работать и помнил напутствия бабушки, что сначала нужно работать на авторитет, а потом авторитет будет работать на тебя. Так всё и получилось. В её сыне удивительным образом сочетались «лирик» и «физик». Митька был идейным вдохновителем, сценаристом, продюсером в своих бесчисленных проектах, которые приносили его компании и ему лично отличные доходы и бешеный успех.

Её сын выкупил все комнаты в их коммуналке, отгрохал евроремонт. Построил прекрасный загородный дом в престижном районе Подмосковья. Никогда не скупился на подарки, отдых и путешествия для своих любимых женщин: мамы и бабушки. Благодаря Митьке Мария объездила всю Европу. Кстати, сын настаивал на лечении в Карловых Варах,

но Маша в этот раз остановила свой выбор на Белоруссии, где ни разу ещё не была. Митька вырос настоящим мужчиной – трудяга, ответственный, надёжный. Его слово никогда не расходилось с делом.

Маша допивала четвёртый бокал.

– Налейте мне, пожалуйста, ещё, – попросила она бармена.

– Достаточно, мы уходим.

Маша даже не удивилась, увидев рядом Алексея.

– Опять? Что ты, пардон, что вы ко мне пристали?

– Я не пристаю. Просто больше не стоит пить.

– А я хочу!

Несколько человек повернули головы в их сторону.

– Не мешайте женщине расслабляться, – сказал крепко подвыпивший дядька и громко икнул.

– Вот именно, – Маша хотела встать и не удержалась на ногах.

Алексей вовремя подхватил и легко взял её на руки.

– Поставь! Простите. Поставьте меня на место! Немедленно! – Маша попыталась высвободиться из железных тисков, в которых она оказалась.

– Дорогая, не надо сопротивляться.

– Ну и хрен с тобой, – Маша закрыла глаза, обняла его за шею, потом вся обмякла и засопела, а Алексей без лишних колебаний направился к выходу.

Раздался шквал аплодисментов.

– Вот это по-нашему! По-бразильски! – кричали подвыпившие посетители бара им вслед.

– Да-а-а, Мария Александровна, лишний бокал шампанского убивает не только культуру речи, но и способность самостоятельно передвигаться. Ну и что прикажете мне с вами делать?– выйдя из бара, Алексей крепко задумался.

Ему ничего не оставалось делать, как поднять Машу в свой номер и уложить в свою постель. Алексей накрыл её пледом, выключил свет и собрался уходить.

– Не уходи. Остайся, – тихо позвала Маша.

Алексей наклонился, чтобы поправить плед, который сполз с неё, а она обвила его руками и легонько потянула к себе. У него замерло сердце, а по спине пробежало стадо мурашек.

– Какая же ты непредсказуемая, Ма... – он задохнулся от счастья, а она осыпала его горячими поцелуями, не давая произнести ни одного слова.

Москва встретила Машу дождём. Она взяла такси и быстро доехала до дома, к счастью, пробок на дорогах ещё не было.

– Марусь, ты чего раньше-то вернулась? – хлопоча на кухне, удивилась Елизавета Петровна. – Звонила же, говорила, что очень понравилось. Чего сорвалась?

– Мам, всё в порядке. Просто надоело и по вам с Митькой соскучилась, – Маша обняла и поцеловала мать. – Санаторий прекрасный, но это же не отдых. Устала я там – с утра до

вечера процедуры.

Елизавета Петровна внимательно посмотрела на дочь.

– Машка, что-то ты темнишь, я тебя знаю.

– Mam, нечего рассказывать.

– Я никогда не ошибаюсь, – авторитетно заявила мать.

– Mam, я хочу спать, пожалуйста, давай поговорим потом.

– И чай пить не будешь?

– Потом, всё потом, – Маша, не раздеваясь, легла на диван.

Елизавета Петровна присела рядом с дочерью.

– Марусь, ну расскажи. Может, влюбилась в кого? – каждый раз провожая дочь в отпуск, Елизавета Петровна надеялась, что Маша вновь встретит свою судьбу и устроит наконец-то свою личную жизнь.

– Mam, сколько можно повторять – мне никто не нужен! – Маша говорила неправду. Она нормальная женщина, и, конечно же, хотела счастья, хотела любить и быть любимой. Она уткнулась в подушку и зарыдала в голос.

Елизавета Петровна только развела руками.

– И в кого ты такая упёртая? – вздохнула мать.

– В кого? В кого? Да в тебя, мам! Ты после папы вышла замуж? А как уж ухаживал за тобой Алексей Иванович, наш физрук.

– Дура была! Я сколько раз тебе говорила, не бери пример с меня! А то так и останешься одна.

– А я не одна. Ты и Митька у меня есть! И больше мне

никто не нужен!

– Ой ли? Что же ты белугой ревёшь-то?

– Мам, хватит пытаться меня, как в застенках гестапо! – Маша опять заголосила.

– Ну, поплачь, поплачь, может, и полегчает, – Елизавета Петровна вернулась на кухню и включила телевизор.

От воспоминаний Машу бросало то в жар, то в холод. Всю дорогу она сгорала со стыда. Вспомнила, как наклюкалась в баре. Алексея помнит уже смутно, а как оказалась у него в номере, вообще не помнит. Помнит только сон. Чудесный сон... или явь? А когда поняла, что произошло на самом деле, то в ужасе бросилась в бега.

Наревевшись всласть, Маша поднялась с дивана и пришла на кухню, где Елизавета Петровна смотрела свой любимый сериал. Маша подошла к телевизору и выключила его.

– Машка, ты спятила? Включи немедленно! Дурында! Это же мой любимый сериал, Митин проект, кстати, да ещё и заключительные серии к тому же, – Елизавета Петровна негодовала.

Маша с неохотой нажала на кнопку пульта, а Елизавета Петровна не моргая уставилась в экран.

Маша налила себе чай.

– Мам, как можно смотреть подобную чепуху? Ты же учитель словесности, так сказать, инженер человеческих душ, тренер интеллекта и памяти. Как можно смотреть и упиваться подобным зрелищем? – не без иронии удивлялась Маша.

– С удовольствием, дочь моя, с удовольствием, – не отрываясь от «ящика», заявила Елизавета Петровна. – Так хочется сказки! Так хочется хеппи-энда!

– Ещё скажи, что не стоит разрушать иллюзии у людей, – с горчинкой в голосе произнесла Мария.

– А вот и скажу. Возможно, у многих людей иллюзии только и остались. Зачем же у них и это отбирать, – не сдавалась Елизавета Петровна.

На экране кипели нешуточные страсти. Сюжет этих мыльных опер, как правило, один и тот же: Он и Она любят друг друга с пелёнок, но враги разлучают их, и через двадцать серий влюблённые, преодолев все испытания, выпавшие на их долю, воссоединяются.

– Так не бывает, – уставившись в одну точку, прошептала Маша.

– Не кисни, Манюнь. И на нашей улице будет праздник, – смахивая скупую слезу, Елизавета Петровна подошла к дочери и смачно поцеловала её в распухший от слёз нос.

– Конечно, будет. Вот скоро, кстати, первое сентября, – у Маши снова навернулись слёзы на глаза.

– У тебя когда педсовет?

– Двадцать восьмого. Мам, а ты помнишь? У меня в этом году новый класс.

– Да, ты говорила.

Раздался звонок в дверь. Так оглушительно, так требовательно мог звонить только Митька.

Елизавета Петровна вприпрыжку, как школьница, бросилась открывать входную дверь.

– Да ты мой дорогой! Да ты мой золотой мальчик! Ты мой любимый ребёнок! – Елизавета Петровна буквально повисла на своём внуке.

Маша каждый раз с умилением наблюдала встречу внука с бабушкой. Неподдельная радость от встречи переполняла их обоих, выплёскивалась через края и передавалась окружающим. И от этого на душе у Маши становилось светло и радостно.

Митя аккуратно поставил Елизавету Петровну на пол.

– Ба, есть хочу, умираю.

– Всё готово. Раздевайся, мой быстрее руки и к столу.

– Марусь, а ты чего зарёванная такая? Кто мать мою обидел? – забалагурил Митька, подошёл и как пушинку поднял её вверх на вытянутых руках.

– Дмитрий Турбин! Что ты себе позволяешь?! – завизжала Маша. – Никто мать твою не обижал! – кричала Маша. – Откормили мы тебя, сын, на свою голову! Верни меня сейчас же на грешную землю!

Двухметровый Митька, косая сажень в плечах, вполне мог играть в кино богатырей или атлантов.

За столом Митька за обе щеки уплетал любимые бабушкины котлетки. Елизавета Петровна с любовью подкладывала в тарелку внука то салатик, то картошечку, то куриный рулетик. Митя в изнеможении откинулся на спинку стула.

– Всё. Больше не могу. А то умру от обжорства. А теперь, мои любимые девулечки, рассказывайте, почему Маруся ре-
вела?

– Смотрела сериал, зацепил он нашу Марусю, вот и разре-
велась, – без зазрения совести соврала Елизавета Петровна.

– Не верю, – пробасил Митька. – Не верю, – театрально
вздыхая и мотая своей лысеющей головой, настаивал «дея-
тель культуры».

– Хватит допрос с пристрастием нам учинять, лучше рас-
скажи, как у тебя дела на работе, в личной жизни, когда, на-
конец, правнуков буду нянчить? – Елизавета Петровна лов-
ко перевела стрелки с Маруси на самого Митю.

Дмитрий Турбин очень хорошо знал своих «девочек». Он
послушно дал себя увести в сторону и принялся рассказы-
вать о себе.

– На работе всё норм, в личной жизни океюшки. Если вы
о женитьбе, то не женюсь до тех пор, пока не встречу ту, ко-
торая будет меня так же вкусно кормить, как вы. Хоть убей-
те! Не женюсь!

– Мить, а разве за котлетки и пироги любят женщину? –
серьёзно спросила Маша.

– Маруся, всё с тобой ясно. Ты влюбилась! К бабке не хо-
ди! Влюбилась.

– Дмитрий Турбин! Что ты себе позволяешь? – Маша
схватила чашку с остывшим чаем и залпом допила его.

Ах! Как ему было не по себе, когда Маша впервые к нему

так обратилась. Обратилась как к чужому, как к своему ученику, который совершил дурной поступок. Ему было тогда тринадцать. Крупный от природы Митька выглядел старше своих лет, и никто не мог поверить, что хрупкая, как тростинка, Маруся – его мама. Многие считали её старшей сестрой Митьки. Тогда он снимался в очередном детективном сериале. Фильм был про школьников, юных археологов из Москвы. Съёмки проходили в Крыму, в Херсонесе. По сюжету главный герой, которого играл Митя, нашёл на раскопе старинную, очень редкую монету. Злодеи пытались выкрасть её, но благодаря смелости и храбрости юных археологов ценная находка была спасена. Обычно во все экспедиции Митю сопровождала бабуля Лиза, а в этот раз съёмки совпали с отпуском у Маруси, и в Крым поехала она. Съёмки шли по плану, Марусе было скучно, и она решила помочь местной поварихе Зойке на кухне. Маруся умела и любила готовить, и поэтому вся съёмочная группа обожала Марусину стряпню, а Зоя радовалась, что у неё такая замечательная помощница. Однажды Маруся подняла тяжёлый бак с картошкой, и у неё прихватило спину, Маруся не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть от боли. Зойка побежала за помощью. Она знала, что на раскопе работал врач.

– Спасите! Человеку плохо! – кричала Зойка.

В медпункте молодой человек представился врачом, взял свой чемодан с медикаментами и не торопясь пошёл за истерично кричащей Зойкой.

– Да что ты как павлин вышагиваешь, побежали быстрее, – возмущалась Зойка. – Человек от боли вот-вот сознание потеряет.

– Вы толком расскажите, что произошло, – не обращая внимания на Зойкину истерику, задал вопрос молоденький доктор.

Зойка в красках рассказала, что произошло.

Когда пришли на кухню, Маруся еле сдерживала слёзы и от боли тихонечко поскуливала. Доктор ловко уложил её на топчан, который каким-то чудом здесь же нашёлся, и стал обследовать заболевшую.

– Так. Понятно. Дорсалгия пояснично-крестцового отдела позвоночника. Подобное состояние раньше было? Обследовались? Рентген позвоночника делали? – в словах и действиях доктора чувствовалась уверенность, отчего его авторитет тут же вырос в глазах Зойки.

– Не обследовалась, – всхлипнула Маруся.

– Я вам сделаю укол, он обезболивающий и противовоспалительный, и разотру вас мазью. Недельку придётся полегчить.

– Спасибо, доктор! Дай Бог вам здоровьица крепкого и хорошей невесты, – закудахтала Зойка.

– Спасибо на добром слове. А теперь, – обратился он к Марусе, – приготовьте место для укола.

Когда Митя узнал, что Марусе стало плохо, то он сорвался со съёмок и побежал на кухню. Когда он вбежал, то ка-

кой-то парень с пышной копной кудрявых волос, стоял над обнажённой Марусей и гладил её чуть ниже пояса. Кровь закипела в жилах Митьки.

– Отойди прочь от неё! – гневно закричал он.

Парень на долю секунды остановился, а потом как ни в чём не бывало продолжил своё дело. Но самым страшным для Митьки была реакция Маруси в этой ситуации. Она повернула голову в сторону разбушевавшегося сына и очень строго и холодно заявила:

– Дмитрий Турбин. Что ты себе позволяешь? Не мешай доктору оказывать мне медицинскую помощь.

Такую маму Митя ещё не знал. Его как будто отхлестали по щекам. От обиды он выбежал из кухни, Зойка догнала и всё рассказала ему, что случилось с Марусей. Потом накормила и отвела спать.

Доктор приходил к Марусе каждый день, делал уколы и растирал разными мазями. Несмотря на то что Маруся через пять дней уже скакала, как козочка, неприязнь к доктору у Митьки росла с каждым днём всё сильнее и сильнее. А уж после того как Митька увидел, как Маруся на танцах зажигала с этим докторишкой, тот вообще стал врагом номер один. Они так эротично танцевали сальсу, что ни у кого, и Митьки в том числе, не осталось сомнений, что у этих двоих назревает роман.

Из-за Митькиной ревности чуть было не сорвались съёмки. Митька не верил в серьёзные отношения доктора к Мару-

се. На пляже, когда доктор загорал или купался в море, слабая половина человечества не спускала с него глаз. Митька не мог не согласиться, что тело докторишки было как у царя Давида, статую которого Митька видел в Пушкинском, а вот в моральных качествах этого «героя» он сильно сомневался.

Как-то Митька не выдержал и подошёл к Пилюлькину, так за глаза Митька окрестил доктора.

– Слышь, ты! Пилюлькин! Отвянь от Маруси! – сплёвывая сквозь зубы, обратился Митька к своему злейшему врагу.

– А то чё? – нагло улыбнулся Пилюлькин.

– Морду тебе набью.

– Ну, рискни, – заявил доктор.

Митька набросился на Пилюлькина с кулаками, а тот увернулся и Митька со всего размаху врезался лбом в столб. Из раны хлынула кровь.

– Вот же Отелло на мою голову свалился, – доктор снял с себя рубашку, разорвал её и наложил тугую повязку на рану. Потом отвёл его к себе в медпункт. Митька с трудом сдерживал слёзы. Ему не было больно, ему было безумно обидно.

Маруся вошла в медпункт. На лице не было ни кровинки.

– Сотрясения головного мозга нет. Рану зашил. Будет небольшой шрам. Шрамы украшают мужчин, ведь так, Мить? – Пилюлькин был серьёзен как никогда.

Доктор хотел что-то ещё сказать Марусе, но та так на него посмотрела, что этим взглядом можно было остановить локомотив.

– Спасибо, доктор, за помощь, – Маруся говорила, а Митька не узнавал её голос.

– Пожалуйста. Обращайтесь, – пожал плечами Пилюлькин.

– Надеюсь, мы больше вас не потревожим.

Маруся взяла Митьку за руку, и они вернулись к себе. Маруся не ругала Митю. Она просто молчала.

– Мам, не молчи. Лучше отругай меня или поколоти. Только не молчи, пожалуйста, – у Митьки заныло где-то под ложечкой.

Маруся продолжала молчать.

– Мам... – и Митька вдруг разревелся, как маленький. Маруся не помнит, когда Митька так плакал в последний раз.

Она крепко обняла сына, но по-прежнему молчала, а потом тихо заплакала.

– Мам, не плачь, – всхлипывал Митька.

– Не буду, сынок. Я просто очень испугалась за тебя.

Помощник режиссёра очень нервничал, что случай с Митькой сорвёт съёмку. Но гримёры успокоили. По сюжету главный герой после схватки со злодеями получил травму головы, и им почти ничего не пришлось делать. Синяки и отёк на лице у Митьки были настоящие.

Пилюлькин неоднократно приглашал Марусю на танцы или просто погулять, но Маруся всегда находила повод отказать.

Однажды Пилюлькин напился и стал долбиться в их

дверь.

– Маруся, что, собственно, случилось?! – кричал доктор. – Давай поговорим! Это же смешно! Почему ты меня игнорируешь?!

Митя хотел выйти и прогнать назойливого ухажёра, но Маруся его остановила:

– Не надо, Митя. Я сама.

Её не было часа полтора, а Митьке показалось, что прошла целая вечность. Когда Маруся вернулась, то Митька испугался за неё: лицо у Маруси было блее мела, будто её всю выпили, губы синие, а глаза лихорадочно блестели.

– Мам, тебе плохо?

– Плохо, сын, – она села на стул и уставилась в одну точку.

– Это всё он?! Я его убью!

– Остынь. Он здесь ни при чём, – она встала и стала собирать вещи. – Съёмки закончились. Завтра мы улетаем.

Сказать, что Митька любил свою мать, это ничего не сказать. Он её боготворил, он готов был жизнь отдать за неё. Только став взрослым, Дмитрий Турбин осознал, как пагубно сказался на судьбе его матери его юношеский максимализм. Дмитрий всеми силами пытался исправить свои ошибки, но тщетно. После Крыма Маруся поставила крест на своей личной жизни.

– Мам, а если честно. Почему вернулась на целую неделю раньше? – голос сына стал серьёзный.

– Митя, не нужно сейчас включать начальника, – Елиза-

вета Петровна страсть как не любила эти перемены в её любимом внуке.

– Я предупреждал, что нужно было брать путёвку в Карловы Вары, – не унимался известный продюсер. – Знаю я эти совдеповские санатории, ну ведь вас, мадам, разве переубедишь? – начинал закипать Митька. – В общем так, моя дорогая мамочка. Я записываю тебя на приём в МЕДСИ к очень хорошему врачу. Я сказал!

– Это ещё к какому такому «хорошему» врачу? – загружая грязную посуду в посудомойку, насторожилась Маша.

– Это отец одной нашей сотрудницы, Бакановской Анастасии. Говорят, высококласный специалист. К нему не так-то просто попасть.

– Как зовут доктора Бакановского? – Маша побледнела.

– Антон Андреевич Бакановский, кандидат медицинских наук, нейрохирург.

– Редкая фамилия, – выдохнула Маша.

– Мить, а что за новая сотрудница? – Елизавета Петровна очень любила поговорить с внуком о его работе, сотрудниках, да ещё новых.

– Да так. Ничего особенного. Молодая девчонка. Мечется, не знает, какую профессию выбрать. Два года отучилась в МГУ, а потом вдруг переметнулась во ВГИК, – Митька говорил, как будто его это мало волнует, но чутьё Елизаветы Петровны подсказывало, что Митька маскируется и эта «девчонка» ему вовсе не безразлична.

– Актрисой хочет стать или как? – Елизавета Петровна пошла в разведку боем.

– Нет. Хочет стать сценаристом, а на площадке работает помощником художника по костюмам.

– И как ей ваш вертеп? – Маша включила посудомоечную машину, заодно и чайник.

– Я вас умоляю, дамы. Современную молодёжь не удивишь буднями съёмочного процесса. Наша Настя курит, ругается матом и вся в татушках.

– Вот как? – немного расстроилась Елизавета Петровна.

– Ба, а ты подумала, что я запал на неё? – Митька раскатисто рассмеялся.

– А разве нет? – Маша стала подтрунивать над сыном. – Что-то я не припомню, Дмитрий Павлович, чтобы вы были так осведомлены о рядовых своих сотрудниках.

– Дамочки, бросьте ваши грязные инсинуации, – запыхтел Митька и потянулся за сигаретой.

– Юпитер, ты сердисься – значит, ты не прав, – изрекла бабушка.

– Что? Нечем крыть? – подхватила мать.

– Сдаюсь! Вот уже два месяца мы встречаемся. Сегодня хотел вам об этом сообщить, – Митька с сигаретой в зубах и поднятыми вверх руками выглядел очень растерянным.

– Значит, если бы мы не припёрли тебя к стенке, ты бы молчал и ничего нам не рассказал о Насте? – Елизавета Петровна не на шутку рассердилась. – Сколько девочке лет? Два-

дцать? Значит, правнуков я не дождусь! Современные женщины стараются делать карьеру, им не до детей, – упавшим голосом констатировала она.

– Вот с детьми всё как раз хорошо. У нас пять недель беременности.

Так и сказал – «у нас». Мать и бабушка одновременно сели на диван и долго молчали.

– Пауза затянулась. Ну, скажите же что-нибудь, мои дорогие мудрые женщины.

Маша вскочила с дивана, бросилась в комнату, из которой стали раздаваться оглушительные рыдания. Елизавета Петровна не проронила ни слова.

– Ничего не понимаю! Девчонки, вы что, с ума спрыгнули?! – Митька стал метаться по кухне, как тигр в клетке.

– Ты, Мить, не обращай внимания на Марусю. Это она о своём, о девичьем. Сейчас наревется и придёт к нам с поздравлениями, – успокоила внука Елизавета Петровна.

Маша плакала и даже сама себе не могла ответить, почему. Конечно, она рада, что у сына родится ребёнок. Это счастье. Но вот слово «бабушка» никак не могла к себе примерить.

Бабушка? Я уже бабушка! Господи! Почему так быстро летит время? Какая несправедливость! – эти мысли разрывали мозг.

– Ба, чего Маруся так убивается, будто похоронила кого?

– Это она так оплакивает свою молодость. Не может по-

верить, что впереди маячит старость. «Трагедия старости не в том, что человек стареет, а в том, что он душой остаётся молодым...»

– Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея», – Дмитрий Турбин прекрасно знал классику и так же, как бабушка, мог страницами цитировать любимых авторов. За свою Лизу, как любовно величал он бабушку, Дмитрий Турбин был спокоен. Елизавета Петровна очень сильная натура. Её, казалось, ничем невозможно было пронять. А вот Маруся... Какая же она ранимая натура. И её реакция тому подтверждение.

Митя пошёл в комнату к матери. Та лежала на кровати и вздрагивала от рыданий.

– Не плачь, мам. Всё же хорошо, – Митька встал перед ней на колени и стал гладить по голове.

– Вы хоть любите друг друга? – Маша присела и громко высморкалась.

Дмитрий встал, сел рядом и положил голову ей на плечо. – Мам, я очень виноват перед тобой. Прости.

– Да за что же, сын? – не поняла Маша.

– Мам, а ты любила Пилюлькина?

– Митька, ты это о ком?

– У тебя был роман с ним в Крыму. Вспомнила? – Митька прямо посмотрел ей в глаза.

– Почему Пилюлькин?

– Эту кликуху я твоему доктору дал. Тогда, двадцать лет тому назад.

– «Всё прошло, как с яблонь белый дым», – всхлипнула Маша.

Дмитрий обнял мать и запел:

– Всё пройдёт, и печаль, и радость,

Всё пройдёт, так устроен свет...

– Вы что? Без меня поёте? – ворвалась в комнату Елизавета Петровна и стала подпевать вместе со всеми:

– Всё пройдёт, только верить надо,

Что любовь не проходит, нет....

– Дорогие мои девочки! Возраст не имеет над вами власти!

– Конечно! Я вот, к примеру, когда не вижу себя в зеркало и ничего не болит, чувствую себя восемнадцатилетней! – добавила Елизавета Петровна.

– Это мужчины до седых му..й женихи, а мы... – Маша опять заплакала, а сын сгрёб в охапку своих любимых и любящих женщин.

– Сколько бы вам ни было лет, мои дорогие, – это самый подходящий возраст, чтобы радоваться жизни, мечтать и любить, – не унимался Дмитрий Турбин. – Маруся, отставить слёзы. Мы на выходные приглашены к родителям Настюхи.

– Так значит, ты всё же женишься? – обрадовалась Елизавета Петровна.

– Нет. Не женюсь.

– Как?! – закричали в один голос мама и бабушка.

– Это не я. Это Настя. У неё какие-то свои взгляды на

брак, – пожал плечами Митька.

– А рожать-то вы собираетесь? – у Маши мгновенно высохли слёзы.

– Конечно! – возмутился Митька. – Дети – это святое.

– О времена! О нравы! – Елизавета Петровна легонько шлёпнула внука по могучей спине.

В назначенный день и час Маша пришла на приём к доктору, которого рекомендовал ей Митя. В регистратуре были в курсе и указали номер кабинета на втором этаже.

Маша поднялась на лифте и подошла к кабинету с табличкой «Приём ведёт Бакановский А.А. к.м.н.».

– Здравствуйте, – робко поздоровалась Мария, входя в кабинет.

Врач сидел за столом и что-то быстро печатал на компьютере.

– Проходите, садитесь, – довольно сухо произнёс он, а когда посмотрел на неё, то Маша чуть не задохнулась. Это был Алексей...

– Что вас беспокоит? – на его лице не дрогнул ни один мускул. – Рассказывайте. Я внимательно вас слушаю, – он сделал вид, что впервые видит её.

– Спасибо. Я, видимо, ошиблась кабинетом. Простите, я обращусь к другому специалисту.

– Воля ваша. Любой каприз за ваши деньги, – Алексей откинулся на спинку стула, глаза его сузились и превратились в щёлки.

Маша встала как вкопанная. Её страшно задели эти избыточные, обидные слова.

Превозмогая страшную боль в спине, она изящно, по-королевски присела на краешек стула.

– Так говорите, любой каприз за МОИ деньги? – голосом вкрадчивым и насмешливым обратилась Маша к Алексею Бакановскому.

– Неужели передумали обращаться к другому специалисту?

– Да. Решила всё же на себе проверить, так ли вы хороши, как о вас говорят.

– Реклама, как известно, двигатель прогресса.

– Вы не знаете, почему Mercedes не рекламируют? – с прежней обаятельной, но очень опасной улыбкой задала вопрос Маша.

– Мне это не интересно.

– А я вам скажу, почему.

– Так почему же?

– Потому что он не нуждается в рекламе, – очень аккуратно, просто из последних сил Маша поднялась, в глазах стояли слёзы, – назначайте дату следующего приёма.

Алексей посмотрел в еженедельник.

– В понедельник в 8:00 – МРТ в 250-м кабинете, ко мне в 9:00. По результатам будем решать, что делать дальше. Держите направление.

Алексей протянул направление.

Когда за Машей захлопнулась дверь, он что есть силы стукнул по столу кулаком.

– Нет! Эта женщина меня точно сведёт с ума!

Когда Алексей проснулся в номере, то не сразу понял, что Маша сбежала. Наспех натянул на себя джинсы и рубашку, спустился вниз и на рецепции узнал, что Маша заказала такси и уехала. Почему?! Что было не так?! По тому, как Маша отзывалась на его ласки, как дарила ему себя, он был уверен, что она его вспомнила.

Вспоминая её голос, её запах, Алексей покрылся испариной.

Двадцать лет эта женщина не даёт ему покоя. За это время он был дважды женат. Первый раз сделал предложение проводнице, когда возвращался из Херсонеса. Наташа внешне так была похожа на Марусю, что он наивно полагал, что с ней он навсегда забудет Марусю. Они прожили вместе всего месяц.

Алексей не сразу понял, почему Наташа подала на развод.

– Наташ, я тебя чем-то обидел? Что не так я делаю? Почему? Объясни.

– Лёш, ты хороший. Правда. Очень хороший, во всех отношениях. Просто ты меня не любишь. А я не могу без любви.

– Это неправда! – возмутился он.

– Тогда почему ты каждую ночь называешь меня Марусей?

Алексей ничего вразумительного не мог сказать в ответ. Так и разошлись.

Второй раз женился на женщине, с которой встречался десять лет. Ольга была его коллегой, работали в одной больнице. Встречались три раза в неделю, привыкли друг к другу, решили съехаться и узаконить отношения. И в этот раз женщина ушла первая.

– Лёш, ты чудесный человек, замечательный любовник, но жить с тобой сушая мука. Ты такой скучный, нудный. За пять лет ни разу не поговорили по душам, ни разу в отпуск вместе не съездили, ни в кино, ни в театр... В общем, я подаю на развод.

Алексей не возражал. Честно говоря, ему самому было безумно некомфортно жить с Ольгой на одной территории.

Интересно, а с Марусей как бы они жили? Неужели тоже бы разбежались?

Алексей подошёл к окну. Маруся вышла из здания клиники, чуть прихрамывая, поймала такси и уехала.

– Что я, в самом деле, как мальчишка себя веду. Хорош с ума сходить, – приказал он себе.

Набрал номер:

– Привет. Нужно встретиться.

– Хорошо. В выходные ждём.

Алексей уткнулся в компьютер, но в этот день всё валилось у него из рук.

Двадцать лет! Подумать только! Двадцать лет она запре-

щала себе вспоминать о событиях тех дней. Конечно, она его сразу не узнала. И только его «обращайтесь» не оставило сомнений, что это и есть её Лёша. Она честно не хотела ворошить прошлое. Что было, то прошло. Но судьба-злодейка свела их снова, и она не устояла... Позор! Какой стыд. А теперь ещё, оказывается, Алексей – отец возлюбленной её Митьки.

Так не бывает! Дурной сериал, какой может только быть!

Маша вернулась из клиники. Елизавета Петровна ждала её с нетерпением.

– Марусь, как сходила? Что сказал врач?

– Mam, это конец!

Елизавета Петровна побледнела.

– Марусь, что значит «конец»?

– Mam, доктор Бакановский – это отец Насти!

– Машка! Ты меня с ума сведёшь! Я в курсе, что этот доктор – отец Насти. Что он такого страшного тебе сказал?

– Mam! Это Лёша! Мой Лёша!

– Ну, слава богу! Напугала меня до смерти! Рассказывай!

Маша подчинилась требованию матери и подробно всё рассказала.

– Ой! Машка! Как я рада за тебя!

– Mam, ты рехнулась?

– Не груби матери, тебе это не идёт, – Елизавета Петровна, напевая что-то весёлое, направилась на кухню.

– Марусь, ты помнишь, мы приглашены в гости на завтра.

– Я никуда не поеду! У меня болит спина!

– Примешь обезболивающее и поедем!

– Ни за что!

На следующий день стали собираться в гости.

– Мить, а какого возраста родители у Насти? – прихорашиваясь у зеркала, Елизавета Петровна продолжала допрашивать своего внука. До этого он рассказал, что едут они на дачу, вернее, в загородный дом, куда-то по Дмитриевскому шоссе, что мама у Насти бизнес-леди, владелица то ли ресторана, то ли кафе. Отец, как говорил ранее, врач-нейрохирург, стажировался в Германии, недавно защитил докторскую.

– Ба, сколько лет родителям Насти, я точно не знаю. Мы как-то на эту тему с ней не разговаривали, – Митька заметно нервничал, но всем видом старался не выдать своё волнение.

Маша вышла из комнаты. Дмитрий Турбин в очередной раз убедился, что его мама относится к тому типу женщин от которых, независимо от возраста, невозможно глаз отвести. Что и говорить, Маша элегантна, у неё изумительный вкус и грация. Несмотря на проблемы с позвоночником, Маша сохранила стройность и лёгкость. Это заслуга Елизаветы Петровны, которая в своё время настояла на занятиях бальными танцами и верховой езде, но и заслуг самой Марии нельзя отнять, как ярой сторонницы активного и здорового образа жизни.

– Ну, всё. Девчонки, по коням. Не люблю опаздывать. По-

мчались! – Митька уже бил копытом у входной двери.

Когда они приехали в Андреевку, деревню, где ждали их в гости, уже стемнело. Митя подъехал к дому по заданному маршруту, посигналил, и ворота тут же открылись. Дом был двухэтажный, опоясанный верандами. Вокруг дома и в саду горели фонари, выхватывая из темноты то огромную тую, то пышный куст жасмина. За главным домом виднелись ещё какие-то постройки, вероятно, летний домик и сараи. Они вышли из машины и пошли к дому по хорошо освещённой дорожке, обсаженной примулами.

Дверь дома открылась, и им навстречу вышла пышногрудая блондинка. Она приветливо улыбалась и приглашала гостей в дом.

– Проходите, гости дорогие. Как же вы долго ехали! Думала, не дождусь! – её глаза лучились радостью.

– Пробки, – попытался оправдаться Митя. Они вошли в просторную, ярко освещённую прихожую. Маша и гостеприимная хозяйка посмотрели друг на друга и в один голос вскрикнули:

– Это ты?!

Маша не могла поверить своим глазам. Перед ней стояла Зойка. Значит, Зойка и Алексей – родители Насти?!

Зоя быстро справилась с внезапно возникшей неловкостью, а все остальные пребывали, мягко говоря, в растерянности.

– Что же мы в прихожей стоим. Проходите в столовую,

там и поговорим.

Они сели за стол, за которым можно было посадить человек пятнадцать.

– Дорогие мои! – Зоя встала, когда все уселись. – Я несказанно рада видеть вас. Такая встреча! Через столько лет! Митя! Мне Настя много рассказывала о тебе, но я даже не могла представить, что Дмитрий Турбин, известный продюсер и создатель моих любимых сериалов – это Митька. Тот самый Митька, которого я знала ещё совсем мальчишкой.

Дмитрий Турбин засмутился, хотя это чувство ему было малознакомо.

– Зоя, вы вогнали моего внука в краску, – на помощь Дмитрию пришла Елизавета Петровна. – А где Настя?

– У нашего папы сломалась машина, вот Настюша поехала его встречать. Звонили. Обещали, что через полчаса будут здесь, – Зоя прекрасно держалась. Митька ни за что не узнал бы в этой шикарной, ухоженной, стильной женщине простушку, повариху Зойку. Теперь Митя понял, почему он с первого взгляда влюбился в Настю. Настя была копией той самой Зойки, в которую тринадцатилетний Митька был тайно влюблён: прямая и искренняя душа, не знающая не хитрости, ни лжи. Её манеры всегда отличались приветливостью, а чувства – благородством и достоинством.

Впервые Дмитрий обратил внимание на Настю, когда во время обеденного перерыва на съёмочной площадке Настя угощала всю группу домашней едой, которую принесла с со-

бой. Маленький кусочек домашнего пирога достался и ему. Такой вкуснятины Дмитрий ещё не пробовал, хотя, как ему казалось, лучше, чем его бабушка, не готовит никто. Дмитрий лично решил поблагодарить Настю и спросить рецепт этого замечательного пирога.

– Ничем не могу вам помочь, Дмитрий Павлович, творение не моё, – честно призналась Настя.

– Чьё же это произведение искусства?

– Это всё мама, а я вообще готовить не люблю.

– Очень жаль, – расстроился Дмитрий. – Если бы ты сама так вкусно готовила, то я бы в тебя точно влюбился.

– Дмитрий Павлович, а разве за пироги женщину любят? – Настя улыбалась, прямо глядя в глаза продюсеру.

– А ты думала, за красивые глазки? – Дмитрий даже поперхнулся.

– Ну и за глазки в том числе. Разве нет? – забрала пустой контейнер из рук начальника, аккуратно сняла крошку пирога с его бороды и пошла дальше работать.

Настя каждый раз приезжала с огромной сумкой домашней еды и угощала ею всю съёмочную группу.

Дмитрий намеренно больше не подходил к Насте, ждал, что та сама к нему подойдёт. Но Настя и не ждала от начальства особого к себе отношения. И всё же через две недели Дмитрий не выдержал и подошёл сам:

– Ну что, заставляешь начальство самому к тебе с дифирамбами подходить и в пояс кланяться?

– Не поняла, Дмитрий Павлович, в чём вы меня обвиняете?

– Ну как? После твоей домашней стряпни ни у кого в группе язва не обострилась.

– А-а-а, это вы по этому поводу негодуете? Тогда все претензии к моей маме. Я здесь ни при чём.

С той самой минуты внимание Дмитрия было приковано к этой дерзкой и одновременно необыкновенно милой особе.

А Маша по-прежнему молчала. А что тут скажешь? Зойка, её боевая подруга Зойка, которая в один миг превратилась... В кого превратилась Зойка в тот злополучный вечер в Херсонесе? Во врага? Нет!

Зойка не враг... Маша до сих пор не могла дать определение Зойке и её поступку.

Лёша пришёл к ней вдрабадан пьяный выяснять отношения. Что она могла ему сказать? Он клялся ей в любви, умолял не бросать его, а она не могла подобрать слова, чтобы объяснить ему, почему вынуждена прекратить их отношения. Он стал ругаться:

– Да пошла ты! Всю душу ты мне вымотала! Уходи! Иначе я за себя не ручаюсь!

На крики прибежала Зойка.

– Ребята! Вы что, с ума сошли? Лёшик, пошли отсюда, – Зойка пыталась изо всех сил утащить упирающегося Лёшку. – Машка! Ну будь ты человеком, уйди! Видишь, человек не в себе!

Маша опрометью бросилась в сторону моря, Лёшка вырвался из рук Зойки и бросился за ней. Зойка стала кричать: – Машка! Лёшка! Остановитесь!

Он догнал её и сбил с ног. Маша вырывалась из его рук, но он был сильнее.

– Прости, – тихо заплакала она. – Прости, я не могу.

Лёшка зарычал, как раненый зверь, грубо оттолкнул её от себя и ушёл прочь, оставив её распластанной на берегу. Маша с трудом встала и пошла в сторону лагеря, где располагалась их съёмочная группа.

В свете уличного фонаря она увидела двоих: они обнимались. Это были Зойка и её Лёшка.

Утром Зойка пришла к ней попроситься.

– Марусь, я знаю, ты вчера нас видела. Ты ничего плохого не подумай. Лёшка вчера взбесился, и я, чтобы он не натворил бед, пыталась его остановить...

– Зоя, не надо передо мной оправдываться. Лёша мне не муж и даже не жених, – Маша, как могла, говорила спокойно, а на душе кошки скребли.

– Машунь, Лёшка хороший! Ты не сердись на него.

– Зоя. Прощай.

– Ты вот так и уедешь? Ни адрес, ни телефон не оставишь?

– Нет. Прощай, – Маша не оборачиваясь направилась к машине, в которой ждал её Митя.

Двадцать лет эта история не давала Маше покоя. Елизавета Петровна, которая была в курсе этих событий, называла

Машу «собакой на сене».

– И сама не ам, и другим не дам, – Зойка, по рассказам Митьки, очень нравилась Елизавете Петровне. – Машка, твоё поведение – это махровый эгоизм, вот что я тебе скажу.

За окном послышался звук мотора.

– А вот и наши приехали, – Зоя поспешила открыть ворота.

Скоро послышались весёлые голоса, и в дом вошли трое: молодая девушка, без всяких сомнений, эта была дочь хозяйки, Алексей и незнакомый мужчина.

– Здравствуйте. Я Настя. С мамой вы уже познакомились. Это мой отец – Бакановский Антон Андреевич, – Настя подошла к незнакомому мужчине, – а это мой дядя, Бакановский Алексей Андреевич, он же мой крёстный отец.

– Меня зовут Дмитрий, – Митя встал и подошёл к вошедшим. – Мужчины обменялись рукопожатием.

– Дмитрий, представьте меня своим дамам, – Антон Андреевич подошёл к Маше и Елизавете Петровне.

– Пап, ну что ты, в самом деле, как на приёме в английском посольстве, – Настя незло хихикнула, подошла к Мите и поцеловала в щёку. – Привет, Мить. Расслабься. Папу иногда заносит.

– Да уж, – весело рассмеялась Зоя.

– Меня зовут Елизавета Петровна, я бабушка Дмитрия. А это, – Елизавета Петровна, изящно указала рукой на Машу, – Мария Александровна, мама Дмитрия.

– Не может быть! – искренно удивился Антон Бакановский. – Вы меня разыгрываете!

– Это правда, – сказал Алексей.

– Откуда ты знаешь? – ещё больше изумился Антон Андреевич.

– А мы знакомы двадцать лет.

– Надо за это выпить! – подвёл черту под всем вышесказанным глава семейства.

– Я уж, грешным делом, подумала, что это не случится никогда, – выдохнула Елизавета Петровна.

Все дружно засмеялись.

За столом было шумно и весело. После выпитого вина все расслабились. Стол ломился от разных блюд и дорогих напитков.

– Да у вас тут коллекционные французские вина и коньяки, – тоном знатока приговаривал Дмитрий.

– Это подарки от благодарных больных и их родственников, – Зоя с любовью смотрела на своего мужа. – Дорогие мои, у нас ещё десерт.

– Торт «Наполеон» – по фирменному рецепту нашей мамы, – Настя вся сияла от счастья.

– Признаюсь. Этот рецепт я слизнула у Маруси, тогда ещё, в Крыму.

– А я про него совсем забыла. Дома почти к плите не подхожу. А рецепт не мой. Это всё от моей мамы, Елизаветы Петровны.

– Прошу без аплодисментов и оваций, – Елизавета Петровна встала и царственно поклонилась.

Бурные рукоплескания взорвали тишину, а Елизавета Петровна всё кланялась и кланялась.

– Вы актриса! – восторженно заявил Антон Бакановский.

– Нет, мой дорогой. Я учитель словесности. Но театр – моя любовь. Моя несбывшаяся мечта.

Долго не расходились. Елизавета Петровна и Антон Андреевич делились впечатлениями о новой постановке, Зоя убирала со стола, Митя с Настей уединились на втором этаже и не могли дождаться, когда же все угомонятся и разбегутся по комнатам.

– Настя, мои меня раскололи в два счёта. Я рассказал о нас и нашем будущем ребёнке. Насть, давай поженимся, а то мои девчонки съедят меня с потрохами за соращение малолетки.

– Это я тебя сейчас съем, если не перестанешь молоть ерунды, – Настя тихонечко куснула Митьку за мочку уха.

– Ах! Ты коварная соблазнительница! Сейчас ты получишь по заслугам, – Митька «страшно» зарычал...

Послышались шаги. Митя и Настя притихли, как школьники, которых внезапно застукали, потом уткнулись в подушку и чуть не задохнулись со смеху.

– Мить, дай слово, что уговоришь свою маму пойти на приём к дяде Лёше, иначе никогда не выйду за тебя замуж.

– Шантажистка, – Дмитрий Турбин тяжело вздохнул.

– Мить, ну пожалуйста, у дяди волшебные руки, может, и операция не понадобится, – Настя умоляюще посмотрела на будущего отца своего ребёнка.

– Постараюсь. Давай лучше твой сценарий дочитаем, а то концовку я так и не понял. Что там наши герои, будут вместе или как?

– Очень хочется, чтобы остались вместе.

– Я тоже за этот вариант.

Маша и Алексей вышли на веранду.

Маша куталась в тёплую шаль, но от волнения не могла согреться.

– Как удивительно бывают повороты человеческих судеб, – Маша тяжело вздохнула.

Алексей молча закурил.

– Я думала, Настя твоя дочь, – продолжила Маша.

– Зоя и Антон познакомились тогда, в Херсонесе. Мы с братом со студенческих лет по очереди ездили на раскоп, копили деньги на иномарку. Кстати, ты её видела в Гомеле.

– Эту древнюю старушку, которая неприлично тарыхтела и была готова развалиться на первой же кочке?

– Не надо грязи. Несмотря на почтенный возраст наша «крошка» крепкая, шустрая, очень надёжная и даст фору любой новой модели.

– Прости, прости. Была не права, беру свои слова обратно, – Маша улыбнулась и подняла вверх руки.

– Вот теперь узнаю свою любимую женщину, – Алексей

докурил сигарету, затушил и бросил её в урну. Потом подошёл к Маше и положил свои руки ей на плечи, а Маша вдруг перевела разговор на другую тему.

– Я не очень поняла. Ты остеопат, мануальный терапевт или нейрохирург?

– Я нейрохирург, но с некоторых пор практикую как остеопат и мануальный терапевт. Помнишь, я тебе рассказывал, что наш дед из Белоруссии по линии мамы был известный костоправ, к которому со всей округи приходили за помощью?

– Тогда в Херсонесе мы много рассказывали друг другу про своих родителей, дедов и бабушек. Я помню, ты рассказывал про происхождение своей фамилии, что она от деда по линии отца, что дед-литовец после Первой мировой остался в России и фамилию стал носить не Баканаускас, а Бакановский, а когда вернулся на родину уже после Отечественной, то забыл свой родной язык. А вот про деда-костоправа, честное слово, не помню.

– Я тебя тогда поднял на ноги по его методике. Мы с Антохой двойняшки, с детства хотели стать врачами. Вот так вместе и работаем.

– Вы что, работаете в одном кабинете?

– Иногда. В тот раз он попросил заменить его, он улетал на конференцию в Мюнхен.

– Свежо предание, а верится с трудом... – Маша пыталась шутить, но от волнения у неё зуб на зуб не попадал.

– Мария Александровна, с каких это пор вам чудится всюду заговор? Даю честное благородное слово, я здесь ни при чём. А что касается завтра, жду вас ровно в девять, и попробуйте только не прийти.

– И что вы мне сделаете, если послушаюсь?

– Отшлёпаю вас по вашей круглой попке.

– Да вы, доктор, тиран.

– Но это не самое страшное, что я могу сделать.

– Что же такое страшное вы приготовили?

– Натравлю ребят на тебя!

– А-а-а, это дело рук этих интриганов и заговорщиков?!

– А ты как думала?!

– Я-то, наивная чукотская девушка, решила, что наша встреча случайная, а тут всё срежиссировано?!

– Встреча наша в поезде на самом деле случайная. Я тебя, как, собственно, и ты меня, не сразу узнал. Ты мне понравилась как женщина, которая всю ночь эротично стонала и навела меня на грех. Решил продолжить знакомство, ну а уж потом выяснилось, кто ты на самом деле. Я позвонил Насте, которая вместе с Митей решили нас помирить.

– Помирить?

– Ты права. Не то сморозил. Скажу точнее – вновь соединить.

– Так не бывает, Алёша...

– Ещё как бывает, моя милая, моя глупая чукотская девушка.

– Лёш, ущипни меня, пожалуйста, докажи, что это не сон и не дурацкое кино?

– Мы поступим по-другому.

Он подхватил её на руки и понёс в дом, где гостеприимные хозяева заблаговременно приготовили им комнату.

Они целовались, любили друг друга, и в этот момент весь остальной мир для них перестал существовать.

Старые фотографии, или куда уходит детство

Посвящается моим детям и внукам

«...Любая сказка должна быть положена
на реальность, иначе это не сказка, а враньё».
Виктория Токарева

Пролог

Долгими осенними вечерами, когда за окном холодно, темно и сыро, люблю смотреть старые фотографии. Сидя на диване, укутавшись в плед, с головой погружаюсь в прошлое.

Старые фотографии чёрно-белые, плохого качества, некоторые из них мутные и потрескавшиеся от времени, но такие любимые и дорогие сердцу. Наверно, потому, что они напоминают мне о том чудесном времени, которое, к великому сожалению, уже никогда не вернуть...

«Детство моё, постой, погоди, не спеши, дай мне ответ простой, что там впереди...» Эту песню я и мои одноклассники пели на школьном выпускном вечере в далёком 1974 году.

Глава первая

Бакшеево

Старые фотографии возвращают меня туда, куда, по мнению многих, обратной дороги нет. Я словно на машине времени перемещаюсь в волшебную страну, которая называется ДЕТСТВО.

Моё босоное детство и юность прошли в маленьком посёлке городского типа со странным названием Бакшеево. Наш посёлок находится на самой границе Московской и Владимирской областей, окружённый лесами и болотами, с множеством озёр и речек. Когда-то там были огромные залежи торфа, добыча которого была основной работой местных жителей. До сих пор ведутся споры, почему посёлок так назван. Кто-то утверждает, что был некий революционер Бакшеев, сподвижник В.И. Ленина, и посёлок назван в его честь. Кто-то считает, что во времена татаро-монгольского ига через наши болота шло войско хана Бакши и затонуло в нём, так и не дойдя до Владимира.

Детство вспоминаю с радостью. Семья у нас была большая: родители, бабушка, сёстры, брат. Я самая младшая и самая бедовая, как говорила бабушка. Одним словом, сорванец, подстриженная под мальчишку. Со мной всегда происходили какие-нибудь приключения. Однажды весной, в поисках «чучела», первой травы, которая появлялась, провали-

валась в болото по шею, и по морозу, промокшая насквозь, бежала не домой, а к подруге Гале Власовой, отогреться у печки. Часто эти приключения заканчивались ангиной.

Надо отдать должное моим родителям. Терпение у них было ангельское, они редко меня ругали. Но у каждого терпения есть свой предел. У моего отца он наступил, когда я чуть не утонула в озере.

Это озеро было без дна, вода в нём была очень чистая и прозрачная, как слеза ребёнка. Оно притягивало нас своей таинственностью, легендами. Рассказывали, что давным-давно на этом месте стояла церковь, а потом произошло странное и необъяснимое событие. Как-то утром люди пришли на службу, а вместо церкви образовалось озеро необычайной красоты. Не стало церкви, не нашли и дьякона, решили, что он вместе с церковью ушёл под воду. Люди так и называли это озеро – Смердячье. Красота этого озера была коварная. Раз в год обязательно кто-нибудь тонул в нём, и никогда никого не могли найти. Водолазы объясняли, что дна они не обнаружили, а старики говорили, что озеро мстит людям за их грехи.

От непонимания опасности я не верила никому и в любое удобное время с удовольствием ходила на озеро со старшими ребятами нашего двора. В тот страшный день ребята посадили меня на плот, строго-настрого предупредили не егозить, то есть сидеть смирно. Плот смастерили из толстых брёвен, скрепили верёвкой, он казался надёжным и безопасным, ни-

что не предвещало беды. Я спокойно сидела, ноги мои были опущены в воду. Мы всегда так делали. Бегали же мы босиком и часто сбивали ноги в кровь. А после «водных процедур» к вечеру забывали о своих болячках. Лечили мы не только раны, но даже больные зубы и больное горло. Достаточно было несколько раз прополоскать водой из озера рот или горло, и боль как рукой снимало. В тот день ребята в очередной раз пытались с плота поймать рыбу на удочку, а я любовалась зеркальной гладью озера. Вода была такая прозрачная, что можно было видеть, как рыба сбивалась в стайки и дразнила рыбаков, ни в какую не желала попадаться на крючок. Мне стало весело, и я с бешеной скоростью заболтала ногами в воде, взбивая её в белую пену. Я так увлеклась, что забыла о предупреждении. Ребята заругались, а брызги воды попали на меня и как будто обожгли, от чего я вскочила на ноги, поскользнулась на мокрых брёвнах и свалилась в воду. Вода была холодная, но мне показалось, что я попала в котёл с кипятком. От страха я не могла даже кричать, мне показалось, что меня кто-то тянет за ноги вниз, где нет даже дна, и озеро хочет наказать меня за непослушание. Я барахталась в воде, как щенок, но скоро силы меня покинули, и моя голова почти вся ушла под воду. На берегу кричали: «Спасите, помогите! Ребёнок тонет!» Вдруг я почувствовала, что кто-то взял меня под мышки, крепко ругаясь за то, что волос на моей голове совсем нет, схватиться не за что. И этот КТО-ТО потащил меня к берегу. Я так и не узнала, кто

меня спас. Очнулась я дома, в кровати. Вины за собой никакой не чувствовала, отец стоял рядом. Я как обычно, решила рассказать ему о своём очередном приключении, но вдруг мои глаза натолкнулась на его взгляд. Такого отца я ещё не знала. Он посмотрел на меня так, что мороз по коже пробежал. В его глазах было столько боли! Мне показалось, что от этой боли он сейчас рухнет замертво, как солдат из кино, которому пуля врага попала прямо в сердце. Отец резко отвернулся и вышел из комнаты. Мама заплакала, сёстры присоединились, а брат вышел за отцом следом, потом, правда, быстро вернулся и сел на кровать рядом со мной.

– Лучше бы он меня выпорол, – сказала я брату. Мне стало как-то не по себе после ухода отца, обычно такого понимающего, всепрощающего, такого сильного.

– Какая же ты ещё маленькая, просто дурочка! У родителей слов больше нет! А если бы ты утонула?! А если бы умерла от воспаления лёгких?! Мы же тебя очень любим, Танулька ты наша, – он обнял меня крепко, потрепал мой ёжик на голове и кулаком вытер себе глаза и нос.

Сегодня учёные считают, что наше озеро является метеоритным кратером.

А я с того дня на озеро больше не ходила, и не потому, что испугалась, что могу утонуть или заболеть. Я не могла забыть той боли в глазах отца и собственного страха за его жизнь. Но я же была ребёнок! И очень активный, суперактивный ребёнок! Мои приключения продолжались. Мама ругала ме-

ня, не раз мне от неё попадало по заднему месту за непослушание, и только мамина угроза, что она всё расскажет отцу, на меня действовала волшебным образом. Отец не ругал меня, он просто переставал со мной разговаривать. Это для меня была мука мученическая. Правда, наказание длилось не более пятнадцати-двадцати минут, потом мы мирились и продолжали с ним секретничать. А секретиков у нас было множество.

Отец окончил всего четыре класса церковноприходской школы, но не производил впечатление малограмотного человека. Сколько его помню, много читал, помогал моим старшим сёстрам и брату по математике и другим предметам, когда у них возникали трудности. А если у меня что-нибудь не получалось, то утешал меня, повторяя: «Ну, ты у меня умница, красавица. Всё у тебя получится».

Мои родители простые крестьяне. Но более благородных, более порядочных и трудолюбивых людей я в своей жизни ещё не встречала. Они со свойственной благочестивому крестьянину природной мудростью воспитывали в нас потребность помогать им и в нелёгком труде на земле, и на скотном дворе, и в домашнем хозяйстве. Труд никогда не был для нас в тягость. Всем было ясно и понятно, что жить не трудясь немислимо. В нашей семье не пустыми словами были поговорки: Без труда не выловишь рыбку из пруда; Что посеешь, то и пожнёшь; Терпенье и труд всё перетрут...

Всем известно, что дети запоминают не слова, а поступки.

Родители являлись и являются примером всей моей жизни и жизни моих сестёр и брата.

Во время войны, волею судеб, мои родители были заброшены на трудовой фронт, на торфоразработки в Бакшеево. Познакомились в конце войны, полюбили друг друга, поженились и остались там навсегда. В Бакшеево родились и выросли мои сёстры, брат и я.

Я где-то прочитала, что не важно, какое у человека образование, главное, чтобы воспитание было высшим. Трудно с этим не согласиться.

Воспоминания о детстве меня долго не отпускают.

Помню, как летом, с взрослыми ребятами нашего двора, или со своими старшими сёстрами и братом любила ходить в лес за ягодами, за грибами. После проливного дождя обожала мерить лужи, любила купаться в речке, рыбачить и просто валяться на солнышке, слушая стрекотню и писк разных насекомых. Особо назойливых отгоняла берёзовой веточкой, а вот божью коровку никогда не прогоняла. Сажала её на ладонь, а пока она ползала по ней, повторяла, как заклинание: «Божия коровка, улети на небо, принеси нам хлеба, чёрного и белого, только не горелого...», потом подбрасывала её вверх и загадывала желания. А ещё любила вдыхать волшебный запах луговых трав, особенно свежескошенных.

Зимой катались на лыжах и санках, из снега строили горки и крепости, лепили снеговиков. В парке заливали каток, и мы всей гурьбой бегали туда, катались на коньках. Старшие

играли в хоккей, а мы болели за «своих». Помню, что зимы были холодные и снежные, сугробы достигали двухметровой высоты. Снег был белый и пушистый, и я не могла удержаться от соблазна слизнуть его прямо с варежки. Домой приходила затемно, вся в снегу, мокрая и продрогшая от холода. У двери всегда стоял веник для того, чтобы отряхнуть снег на пороге и не тащить его в дом. После таких прогулок настроение моё, как правило, было приподнятое, но оно омрачалось сразу же после того, как снимались варежки, руки начинали так болеть, что хотелось кричать и лезть на стену. Мои родители не пугались моих криков и слёз, знали, что это происходит от резкого перепада температуры воздуха, они ловко раздевали меня, осторожно растирали озябшие руки шерстяной тряпичкой, а мама повторяла: «Ну сколько можно талдычить одно и то же: нельзя сразу же с мороза снимать варежки», – нежно обнимала меня и вытирала слёзы.

Глава вторая

Сказки, рассказанные на ночь

Я с детства любила сказки. Когда была совсем маленькой девочкой, то сказки и разные истории на ночь мне рассказывала бабушка Арина, мамина мама Ирина Кирилловна. А потом, когда бабушки не стало, мне их рассказывали и читали старшие сёстры Рая и Нина, иногда брат Юра. Но больше всего я любила придумывать их сама.

Я представляла себе, что наша семья – это маленькое королевство, и правит этим королевством очень могущественный и благородный король Иоанн Мудрый. Жена его Мария Прекрасная была самая красивая и умная женщина на свете. И было у них четверо детей: старшая дочь принцесса Ирма, средняя дочь принцесса Ника, сын принц Георг и младшенькая дочка принцесса Тати.

Давным-давно в королевстве Пятнадцати островов жили-были юноша по имени Иван, сапожных дел мастер, и девушка Мария, кружевных дел мастерица. Равных их мастерству никого в королевстве не было. Жили они на самом большом острове из всех пятнадцати, но в разных его концах и не знали друг о друге ничего. Да никогда бы, возможно, и не узнали, да только на их королевство напал мерзкий и страшный заморский король Поганых, который сеял вокруг себя только хаос и разрушения, горе и беду. Он успел за-

хватить много других королевств. Некоторые сами сдались без боя, другие сопротивлялись. Трудно было противостоять многочисленному войску врага под предводительством такого сильного, расчётливого и коварного короля.

Всех победил король Поганыч. Осталось непокорённым одно королевство Пятнадцати островов. Королевство это было большое, богатое и сильное. Но правил им в ту пору жестокий и жадный король Иосиф, по прозвищу Рябой. Очень тяжело жилось в этом королевстве простым жителям. Они трудились от зари до зари не разгибая спины. Но почти всё, что они зарабатывали непосильным трудом, слуги короля Иосифа отбирали. Тех, кто был недоволен тираном, безжалостно наказывали. Их сажали в темницы, а некоторых даже казнили. Многие хотели избавиться от мучителя.

Зная обо всём этом, король Поганыч долго вынашивал план захвата этих богатых островов. Он был уверен в лёгкой победе. Злодей не подозревал, что есть такие королевства, где жители могут презирать своего короля, но горячо и беззаветно любить свою Родину, и готовы сражаться с врагом до последней капли крови, но не отдать на поругание ни пяди своей земли.

Многие юноши и девушки просились на поле брани. Среди них были Иван и Марья. Сколько ни уговаривали их Мудрецы, что победа над врагом куётся в тылу, они не могли с этим согласиться.

И вот, когда Иван и Марья уже надели на себя доспехи во-

инов и готовы были биться с ненавистным Поганычем, вдруг разразился сильный гром, и в свете молний все увидели Царя Небесного. Он сверху грозно прокричал:

– Иван, вдовый сын, сапожных дел мастер, и Мария, кружевных дел мастерица! От вас двоих зависит судьба вашего королевства. Чтобы победить короля Поганыча, вы должны четыре года и четыре дня без сна и без отдыха трудиться там, где вы будете нужнее всего. Если откажетесь, тогда королевство Пятнадцати островов исчезнет навсегда.

– Мы согласны, – не задумываясь, ответили Иван да Марья.

Четыре года и четыре дня Иван да Марья трудились не покладая рук, как наказал голос свыше.

И наступил долгожданный день. Враг был разбит. Королевство Пятнадцати островов одержало триумфальную победу над королём Поганычем. С этого дня в королевстве учредили праздник – День Победы, который отмечали салютом. В этот день Иван признался Марье, что любит её, и сделал ей предложение стать его женой. Мария с радостью согласилась, так как тоже полюбила Ивана всем сердцем. Сыграли свадьбу, и молодые стали строить своё царство-государство, своё маленькое королевство.

С тех пор Иван стал в своём королевстве – королём Иоанном Мудрым, а Марья – королевой Марией Прекрасной. Став королём и королевой, Иван да Марья, как и прежде, много трудились, слуг же у них не было. Но это их несколько

не огорчало, а наоборот, приносило огромную радость. Став родителями, они мудро воспитывали своих детей. Принцессы научились шить и вязать, вкусно готовить пищу, вести домашнее хозяйство. Этим искусствам их обучила королева. А принц Георг и король ходили на охоту и рыбалку. Король научил принца выделывать шкуры животных, из которых шилась одежда и обувь. Принц научился плотничать и столярничать. Всем королевством они вспахивали землю, выращивали овощи, посадили прекрасный сад. И какова была радость видеть плоды своих трудов. Король и Королева с гордостью благодарили всех за это, не забывая отметить каждого в отдельности. По этому случаю устраивали пир на весь мир. Приходили соседи, приезжали родные с других островов. Многие радовались тому, как дружно и счастливо живут король Иоанн Мудрый и королева Мария Прекрасная, считали это наградой за великий труд. Но были и те, кто считал, что без чуда здесь не обошлось.

– Конечно! – соглашался хозяин пира. – Мы ждём чуда каждый день. И в его ожидании делаем добрые дела, и оно приходит к нам не с пустыми руками.

– Будьте здоровы и счастливы, Ваше Величество! – поднимая чарки с вином, желали королю его гости и жители славного королевства.

– Нет счастья там, где нет трудолюбия, простоты, добра и правды! – отвечал счастливый король Иоанн Мудрый, крепко обнимая свою супругу и детей...

На этом мои сказки не заканчивались. Главные герои оставались прежними, а истории с ними обрастали новыми персонажами и захватывающими приключениями, где добро всегда побеждало зло, где в самые тяжёлые минуты каждый житель королевства вставал на защиту друг друга, где зависть, предательство и коварство не могли устоять перед силой любви и справедливости. Но это уже совсем другие истории.

Глава третья

Ёшка

В моих руках общая классная фотография. Мы ученики 2 «А» класса. Такие все маленькие, смешные, с разными выражениями лиц. Я сижу в первом ряду, на левом рукаве моей формы белая повязка с красным крестом. Хорошо помню, каким образом я стала обладателем этого отличительного знака.

Школьные годы. Как часто я о них вспоминаю, особенно начальную школу, где закладывается фундамент всей дальнейшей жизни. В этом я нисколько не сомневаюсь.

У нас в начальной школе классов было много, от «А» до «Г» и в каждом по 30-40 учеников. Никто из нас до школы не знал ни букв, ни цифр, учились мы «с нуля». До сих пор не устаю удивляться, как учителям удалось нас всех научить читать, считать, размышлять, думать. Низкий им за это поклон!

Учёба в начальной школе давалась мне трудно. Я вначале не понимала, зачем я хожу в школу, не понимала, что от меня хочет Василий Иванович, мой первый учитель. Мне было гораздо интереснее бегать во дворе с ребятами, играть в «шмыгалки», «догонялки», в «лапту». Да и куда было приятнее просто сидеть на лавочке, болтать ногами и мечтать. А тут нужно сидеть за партой, что-то повторять за учителем,

отвечать на его вопросы, на которые я отвечала невпопад, потому что внимание моё было рассеянное. Я же думала на уроках о чём угодно, но только не о школе. В общем, я многое не понимала, а когда непонятно, то и неинтересно.

Отстающих учеников Василий Иванович оставлял после уроков. Быть оставленным после уроков считалось среди нас большим позором, хотя нас за это никто не ругал и не стыдил. Видимо, где-то на подсознании мы понимали, что стыдно «плестись в конце хвоста». А меня и ещё одного мальчика из нашего класса Василий Иванович чаще других оставлял после уроков.

Звали мальчика Вовкой, только для нас он был Ёшка. Ёшка не выговаривал много букв в словах. Однажды мы услышали, как вместо слова «ложка» он сказал «ёшка», с тех пор Вовкой мы его уже не звали.

Ёшка был худенький, болезненный мальчик. Его часто дразнили и смеялись над его картавостью, а он на удивление никогда не обижался и смеялся вместе с нами.

Как-то раз на перемене я увидела, как мальчишка из другого класса ударил Ёшку по лицу. Что тут началось!! Ёшка орёт от боли и вида крови, обидчик кричит от страха за содеянное и близок к обмороку. Ужас охватил их обоих. Я подбежала к Ёшке, взяла его за руку и силой потащила к умывальнику, умыла холодной водой, пальцами крепко зажала нос, и кровь остановилась. Первая помощь была оказана.

Я стала героем дня. На классном собрании меня едино-

гласно выбрали старшим санинструктором нашего класса на весь год. Василий Иванович в торжественной обстановке повязал мне на левую руку белую повязку с красным крестом. Счастью моему не было предела!

Видимо, этот случай сыграл не последнюю роль в выборе моей будущей профессии. Вот уже более тридцати пяти лет я работаю на скорой помощи.

Глава четвертая

Скажи, кто твой друг

– Таня Чамина сегодня останется после уроков, – услышала я «приговор» Василия Ивановича в очередной раз.

«Какой позор!» – кричало всё моё существо. Нервы мои сдали, я опрометью выбежала из класса. Это случилось в начале учебного года. Стоял тёплый сентябрь, ещё недавно было лето, и мы с ребятами ходили на речку, купались, загорали, наслаждались природой. Не помню, как я оказалась на своём любимом месте, на реке, вдоль которой стояли дубы-колдуны. Среди них выделялся один, видимо, он был старше всех. Он явно отличался от остальных каким то необъяснимым великолепием. Меня тянуло к этому дубу, и украдкой я незаметно для всех прижималась к нему, как обычно делают дети, прижимаясь к любящему родителю, ища утешения в добрых, заботливых объятиях. Рядом с ним так было тепло, уютно, надёжно. Мне казалось, что от каждого прикосновения к нему я становлюсь сильнее и красивее. Я свято верила в эту сказку, которую сама же и придумала.

И вот я стояла рядом со своим Великаном Волшебником, крепко его обнимала и громко, навзрыд повторяла:

– Дура! Дура! Все дураки!

Вдруг крона дерева зашумела, закачалась, как будто не со-

глашаясь со мной. Я отстранилась от дуба и сердитым голо-
сом крикнула:

– И с чем ты не согласен?! Ещё скажи мне так же, как мой отец, что я умница и красавица!!!

Дуб опять покачал своей «головой», то ли соглашался со мной, то ли упрекал меня.

А я не унималась, моё раздражение росло, как на дрожжах, обида захлестнула меня, и я продолжала кричать и гримасничать:

– Ещё повтори мне любимые поговорки Василия Ивановича «терпение и труд всё перетрут», «скажи, кто твой друг, и я скажу кто ты». Я ещё несколько раз принималась реветь и спорить с дубом, а потом опять крепко прижималась к нему. Постепенно горечь обиды и, как мне тогда казалось, несправедливости, стала утихать. Я как будто очистилась, сняла с себя непосильный груз. На душе стало светло и легко.

Дуб опять громко зашумел своей листвой, словно напомнил мне, что разговор по душам окончен и пора возвращаться домой.

Пережитая горечь и обида подействовали на меня как хлыст. «С сегодняшнего дня всё будет по-другому», – сказала себе я и побежала домой. По дороге я встретила Галю Власову, мою одноклассницу и соседку по дому.

– Где ты пропадала? Я очень испугалась за тебя, – всхли-
пывая, проговорила Галка. – Больше так не делай! Мы же с тобой друзья! Хочешь, я буду тебе помогать с уроками?

– Галь! А ты мне друг?

– Конечно! – удивилась та.

– Я же двоечница, а ты отличница, – всё ещё сомневалась я.

– Какая глупость! Не боги горшки обжигают! – подбодрила меня Галка. Мы с тобой что-нибудь придумаем, только, чур, не списывать.

Видимо, моё выражение лица говорило: «А как же ты мне хочешь помочь?» Ведь всегда все контрольные я бессовестно списывала у Наташки Евдокимовой, нашей одноклассницы. Наташка по своей природной доброте не могла видеть моих слёз над каждой двойкой и позволяла мне «воровать» её труд.

– Не собираешься же ты на чужом горбу в рай въехать? – спросила меня Галка и как-то странно на меня посмотрела.

Я не поняла, при чём здесь чей-то горб и какой такой рай, куда я собираюсь на нём въехать. Но по лицу Галки я поняла: помощь её будет непростой и придётся мне попотеть.

– А давай играть в «школу», будем по очереди играть в учительницу и ученицу, – вдруг предложила я и сама себе удивилась.

– Договорились! – с радостью согласилась моя подруга.

«Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты» – это моё жизненное кредо, то есть моё убеждение, моё мировоззрение.

Глава пятая

Уча, мы сами учимся

Я и моя подруга Галя Власова почти каждый день играли в «школу». По сути дела мы вместе с Галкой готовили домашнюю работу, только свою работу Галка делала самостоятельно, а моя домашка становилась очередной игрой в «школу».

Шло время, и мы научились складывать из букв слоги, из слогов слова. Проще говоря, научились читать. На уроках русского языка учились грамоте, письму. Писали мы ручкой с пером, окуная его в чернила. Очень часто с пера падала капля чернил в тетрадь. Мы аккуратно промокали её специальным вкладышем, который прилагался к каждой тетрадке. Иногда капля превращалась в уродливую кляксу. Эти кляксы частенько портили нам настроение.

На уроках арифметики мы уже решали примеры и задачки, а на уроке природоведения узнавали об окружающем нас мире. Моими любимыми предметами были уроки физкультуры и труда.

Успехи у всех были разные. Моя Галка была круглая отличница, по всем предметам у неё были одни пятёрки. Она бегло читала, красиво, как артистка на сцене, читала стихи, с лёгкостью, как орешки, щёлкала примеры и задачки. А как она умела рассказывать самые разные истории из прочитанных ею книг! На перемене мы окружали её плотным коль-

цом, слушая её с открытыми ртами от удивления и восхищения. Речь её была богатая, образная. Каждое слово употреблено и к месту, и ко времени. Её речь была красивой и выразительной, она была живая, вся пересыпанная то пословицами, то поговорками, то цитатами из книг. Слушая её очередную историю, мы как будто становились участниками этих приключений или путешествий.

Я всё время задавала себе один и тот же вопрос: «Как это у неё получается?»

А мои успехи были, мягко говоря, скромные. Правда, Василий Иванович уже не оставлял меня после уроков. Игра в «школу» продолжалась. Но положив руку на сердце, мне было гораздо интереснее играть во дворе с ребятами, чем изображать из себя то «ученицу», а хуже всего – «учительницу». Когда наступала очередь быть «учительницей» Галке, я вздыхала с облегчением. Моя домашняя работа будет сделана без сучка и задоринки. А когда же наступала моя очередь, настроение моё заметно портилось. Но договор есть договор.

Видя мою кислую физиономию, Галка пошла на хитрость. Как-то на одном из «уроков» она обратилась ко мне:

– Татьяна Ивановна! Я забыла, как правильно писать слова «чашка» и «щавель» – с буквой «а» или буквой «я»? И ещё, в стихотворении А.С. Пушкина «Зимнее утро» я не поняла значение слова «вечор».

Я оторопела, а Галка нагло смотрела на меня, будто ничего особенного не происходит. Покраснев до корней волос от

стыда, ведь я не знала ответа, а я же сегодня «учительница», с трудом взяв себя в руки, я строго произнесла:

– Галя Власова! Это правило ты должна знать, мы его уже проходили, а значение слова «вечор» найдёшь в толковом словаре и на следующем занятии объяснишь всему классу, что оно означает. Прошу подготовиться хорошо, а то поставлю тебе двойку в журнал.

Галка еле-еле сдерживала улыбку, но пообещала выполнить все мои указания.

А мне пришлось весь вечер зубрить правила по русскому языку, учить наизусть «Зимнее утро» и копаться в словарях, чтобы найти, что же означает слово «вечор».

На следующий день, когда наступило время игры, я декламировала А.С. Пушкина:

– ...вечор, ты помнишь, вьюга злилась, на мутном небе мгла носилась...

– Молодец, Таня! Так что же такое «вечор»? – строго спросила моя «учительница».

– Я нашла значение этого слова в толковом словаре, это слово означает «вчера вечером», значит, А.С. Пушкин имел в виду, что вчера вечером вьюга злилась.

– Совершенно верно! А правила... – Галка не успела закончить, а я уже тараторила:

– «Ча», «ща» пишут с буквой «а», а «чу», «щу» пишут с буквой «у».

– Отлично! – тоном строгой, но справедливой учительни-

цы сказала мне моя подруга Галка.

Docendo discimus – уча, мы сами учимся. Это правило я выучила ещё в детстве, играя в «школу».

Глава шестая

Ни дня без строчки

Галкина хитрость попала прямо в «яблочко», и после того как я чуть было не опозорилась перед своей «ученицей», к «урокам» я уже готовилась более основательно. Но Галка продолжала ставить меня в тупик то одним вопросом, то другим, и всё не по школьной программе. Словарный запас мой был скуден, речь хромала на обе ноги. И однажды Галка выдала следующее:

– Таня, ты мало читаешь, и поэтому нашу игру в «школу» можно сравнить с сизифовым трудом.

– Что за фрукт такой? – насторожилась я.

Галка весело рассмеялась и продолжала «убивать» меня своей начитанностью.

– И то, что ты не любишь и не хочешь читать – твоя ахиллесова пята!

– Какая такая пятка? – уже рассердилась я.

– Не пятка, а пята, твоё слабое, уязвимое место.

Мы были у Галки дома, так как чаще всего играли в «школу» у неё. Галка достала с книжной полки какую-то книгу, полистала её, нашла, что ей было нужно, пробежала глазами по строчкам и стала мне рассказывать:

– В древнегреческом мифе говорится о хитром и коварном царе Сизифе, который много раз обманывал богов, что-

бы продолжить свою богатую жизнь на земле. Разгневанный Зевс наказал его за это и обрёл на вечные муки: Сизиф должен был вкатывать камень, который на вершине вдруг вырывался из рук и скатывался вниз. И всё начиналось вновь...

Я представила себе эту картину так ярко, что мне стало страшно, а Галка продолжала:

– Выражение «сизифов труд» означает тяжёлый, изнурительный, а главное, бестолковый труд. Поняла?

– Поняла, – вздохнула я.

В руках у Галки была книга «Легенды и мифы Древней Греции».

– Хочешь почитать эту книгу? – спросила меня подруга.

– Хочу! – ответила я.

Читала я её долго, но очень внимательно.

Я заразилась от Галки любовью к чтению.

Из той первой книги я узнала историю о прославленном древнегреческом живописце Апеллесе. Он отличался редким трудолюбием. Его правило было: ни одного дня без занятий живописью, каждый день проводить на картине хотя бы одну линию.

Выражение «ни дня без строчки» стало символом непрерывного упорного труда.

Глава седьмая

АРГИ

Чтение для меня стало тем же, что и утренняя гимнастика, без которой не начинался мой новый день. Гимнастика укрепляла моё тело, заряжала энергией на весь день. Чтение тренировало мою память, обогащало словарный запас, увеличивало объём моих интересов и знаний. А как известно, ЗНАНИЕ – ЭТО СИЛА.

История знает немало людей, обладающих великолепной памятью. Некоторые получили её от природы, другие выработывали её путём специальной тренировки. Известно, что Александр Македонский мог узнать в лицо всех солдат своего тридцатипяти тысячного войска, а Генрих Шлиман, немецкий археолог, свою память тренировал тем, что ежедневно заучивал наизусть по несколько страниц из разных книг. Благодаря такой тренировке он за 6-8 недель мог выучить любой иностранный язык.

В моём далёком детстве не было ни компьютеров, ни интернета, и мы всю информацию черпали в основном из книг, журналов, реже из кино, потому как телевизоры были далеко не в каждой семье, да и работала всего одна программа. А кино на широком экране смотрели в клубе, куда его привозили один раз в неделю.

Мы любили читать, ходить в кино, ходить в турпоходы

всем классом, во дворе прыгали через верёвочку, играли в «салки», в «садовника» и в «третий лишний». Домашние игры предпочитали для ума: «Зелёная планета» – вопросы о явлениях природы, «Наши четвероногие соседи» – вопросы о животных, птицах, насекомых, «Вокруг света» – вопросы по истории и географии, «Увлечения и развлечения» – хобби, профессии, литература, искусство, спорт, и т.д., и т.п.

А после фильма-сказки «Королевство кривых зеркал» «заболели» игрой в «слова наоборот».

– ТЕВИРП! – увидев меня издалека, кричала Галка.

– ТЕВИРП! – отвечала я ей.

– КАК АЛЕД? – продолжала моя подруга удивлять окружающих.

– ОШОРОХ! ОНСАРКЕРП! – вторила я ей.

Ребята были в шоке! Что это мы опять придумали с Галкой? На каком таком иностранном языке мы разговариваем? Но секрет наш был вскоре раскрыт. Ребята решили присоединиться к нам и включились в нашу игру.

Эти игры развивали нашу память, мышление и речь, они явились основой наших творческих способностей.

Потом, уже в старших классах, мы организовали свой театр. Сами писали сценарии к праздникам и памятным датам, были «сами себе режиссёрами» и исполнителями.

На выпускном вечере наш классный руководитель Лариса Фёдоровна неустанно повторяла, какие мы дружные, весёлые, остроумные, талантливые.

АРГИ-ИГРА – через игру мы узнали много нового и удивительного, расширили свой кругозор и обеспечивали хорошее настроение себе и близким.

Эпилог

Долгими осенними вечерами, когда за окном холодно, темно и сыро, я люблю смотреть старые фотографии и слушать любимые песни:

«Куда уходит детство?

В какие города?

И где найти нам средство,

Чтоб вновь попасть туда?

Оно уйдёт неслышно,

Пока весь город спит,

И писем не напишет,

И вряд ли позвонит.

И зимой и летом

Небывалых ждать чудес

Будет детство где-то, но не здесь.

И в сугробах белых,

И по лужам у ручья

Будет кто-то бегать,

Но не я...»